This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ

Книжка четвертая.

ЛОНДОНЪ
TRÜBNER & Co.
60, PATERNOSTER ROW.

1857.

278975 f. 49

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ

Книжка четвертая.

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ

2, JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1857.

BODLEIAN
BRITISH MUSEUM
Transferred
DUPLICATE

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Поклонъ и привѣтъ Русскому отъ Русскаго, человѣку отъ человѣка. Давно, очень давно собирался я писать къ вамъ, послать вамъ мою лепту въ сокровищницу свободной русской мысли, сокровищницу открытую вами; но только теперь нахожу возможнымъ исполнить мое давнишнее желаніе, и посылаю вамъ нѣсколько листковъ стихотвореній, въ которыхъ я старался по мѣрѣ силъ отозваться на нѣкоторые вопросы ближайшей современности. Не мнѣ судить о достоинствѣ моихъ произведеній. Вамъ, одному изъ нашихъ лучшихъ писателей, вамъ, въ сочиненіяхъ котораго я нашелъ много своихъ задушевныхъ мыслей, своихъ искреннихъ убѣжденій, вамъ предоставляю я обнародовать ихъ, если найдете это полезнымъ или обрѣчь ихъ забвенію, такъ какъ для нихъ

нѣтъ другаго типографскаго станка кромѣ вашего. Впрочемъ я долженъ имъ предпослать нѣсколько словъ. Нѣтъ ничего мимолетнѣе политической поэзіи, и безсмертіе художественныхъ произведеній искуства не есть ея достояніе. Политическая лирика живетъ, пока живетъ поколѣніе ей сочувствующее; это поколѣніе вымираетъ; его замѣняютъ другіе люди, другія убѣжденія, другія увлеченія; эти увлеченія находятъ себѣ отголосокъ въ новыхъ лирическихъ произведеніяхъ, а старыя сходятъ со сцены: пройдутъ два-три вѣка и только библіографъ или историкъ XIX вѣка прочтетъ нѣкоторыя пѣсни Беранже, Барбье и т. д., только вѣчно живое, только общечеловѣческое останется. Отрѣкаясь отъ художественнаго безсмертія, политическій стихотворецъ можетъ имѣть въ виду только дѣйствіе на современность и это дѣйствіе тѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ вѣрнѣе въ поэтическомъ произведеніи отразилась современность съ ея привычными вѣрованіями, съ ея горячими стремленіями. Поэзія есть примиреніе, примиреніе пошлости жизни съ разумностью помысла въ художественномъ изображеніи пошлости какъ зла, примиреніе разума науки съ фанатизмомъ

религіи въ поэтическомъ созданіи мифа, который терпя свою объективную истину догмата, сохраняетъ субъективную красоту символа, примиреніе прошедшаго съ будущимъ во имя ихъ исторической связи, ихъ логической преемственности. По этому политическая поэзія есть тѣмъ болѣе поэзія современности, чѣмъ менѣе авторъ есть поэтъ кружка, чѣмъ менѣе его мысль есть отголосокъ одной его личности и чѣмъ болѣе разнообразныхъ оттѣнковъ общественныхъ мнѣній сойдутся на примирительномъ полѣ его слова. Это я замѣтилъ и на произведеніяхъ вамъ посылаемыхъ. Совершенно не извѣстный, я часто прислушивался къ разсужденіямъ объ этихъ стихотвореніяхъ, и вѣроятно рѣдко случалось автору слушать столь безпристрастные отзывы объ его твореніяхъ, потому что рѣко удавалось на столько скрыться отъ общественнаго любопытства. Наиболѣе современное, наиболѣе производило впечатленія изъ пяти политическихъ произведеній вамъ посылаемыхъ это было второе, то самое, изъ за котораго я преимущественно вхожу въ объясненія, потому что нѣсколько сомнѣваюсь захо-

тите ли вы напечатать стихотвореніе наиболѣе отходящее отъ вашихъ убѣжденій. (*)

Стихотворная дѣятельность доставила мнѣ много часовъ высшаго наслажденія, но она по времени занимаетъ весьма малую часть въ моихъ занятіяхъ, поэтому я привыкъ себя судить какъ другаго.

Большая часть надеждъ и предсказаній не выполнены; мнѣ грустно самому многое перечитывать. Но въ свое время эти стихотворенія имѣли огромный успѣхъ; ихъ читали въ разныхъ концахъ Россіи и на нихъ сходились чиновные петербургскіе снобсы со звѣздами, люди машинальной служебной дѣятельности и копѣечнаго ералаша, помѣщики спящіе девять десятыхъ своей жизни и тѣ потерянныя въ Россіи личности, почетный отзывъ которыхъ высказанный не автору, а случайному собѣседнику, былъ для меня единственной и лучшей наградой. Впрочемъ ни въ одномъ я не выражалъ только своей отдѣльной личной мысли;

(*) Стихотвореніе, о которомъ говоритъ авторъ, мы не сочли возможнымъ напечатать по многимъ причинамъ.

не замкнутый кружокъ, но много отдѣльныхъ мыслящихъ и чувствующихъ Русскихъ — сочувствовали моему стиху и потому я осмѣлился его послать вамъ. Закрѣпите вашимъ станкомъ матеріялъ для будущаго библіографа, для будущаго историка, который бы захотѣлъ написать картину Россіи въ половинѣ XIX вѣка не по однимъ оффиціальнымъ документамъ и раболѣпнымъ ценсурно-печатнымъ свѣденіямъ.

Да, между Россіей Зимняго Дворца и беззаботной, машинальной Россіей милліоновъ живущихъ день за день, думающихъ только о своемъ личномъ дѣлѣ, о своей личной потребности,—между этими двумя Россіями есть еще третья, которая мыслитъ и чувствуетъ, которая дѣлая свое черновое, ежедневное дѣло, отзывается и на мысль человѣческую, и на европейскую науку, и на русскую народную потребность, есть и въ Петербургѣ, который вы такъ браните, есть и тамъ люди читающіе ваши произведенія, не потому только что они запрещены; порицающія дѣйствія правительства, не потому только что они, порицатели, не принадлежатъ къ управленію, основывающіе свое

мнѣніе не только на послѣднемъ листкѣ иностранной газеты. Да есть такіе люди, и ихъ гораздо болѣе чѣмъ полагаетъ правительство и чѣмъ вѣроятно думаете вы сами; это кликъ людей весьма разнообразно образованныхъ, это люди съ весьма различными требованіями и стремленіями; отъ англомановъ, поклонниковъ консерватизма Гизо, Шеллингистовъ — до поклонниковъ Прудона, и до Славянофиловъ — отыскивающихъ въ нашемъ давно схороненномъ минувшемъ начала лучшаго быта для будущаго—между ними встрѣчаются всѣ оттѣнки, всѣ убѣжденія и несогласные между собою во многомъ, они сходятся въ одномъ—въ правѣ свободной мысли, въ необходимости внимательнаго изученія современныхъ вопросовъ вообще и русскихъ вопросовъ въ особенности. Но въ этомъ и заключается будущность Россіи — совѣстливое изученіе и свободное мышленіе собираютъ матеріялы, изъ которыхъ построится зданіе нашего будущаго отечества, когда настанетъ минута, великая минута измѣненія—а она придетъ, необходимо придетъ . . . Вы въ этомъ сомнѣваетесь; вы въ вашихъ статьяхъ "Съ того берега"— оспориваете возможность

прогресса, возможность закона необходимаго улучшенія. Я съ вами въ этомъ не могу согласится: для науки, при ея нынѣшнемъ развитіи, одинаково невозможно доказательство и отрицаніе великихъ вопросовъ совершенствованія, свободы воли, причины существованія извѣстныхъ законовъ природы, тѣмъ болѣе законовъ исторіи; но съ самаго начала существованія обществъ человѣку всегда представлялся рядъ вопросовъ, на которые онъ былъ въ необходимости отвѣчать и между тѣмъ эти вопросы только въ малой мѣрѣ разрѣшены наукой и до нашего времени. Человѣкъ разрѣшалъ эти вопросы помощью фантазіи, выражавшейся въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и въ поэтическихъ созданіяхъ; и это всегда такъ будетъ; разница только въ томъ, что наука постепенно забираетъ по нѣсколько вопросовъ въ свою сферу, не допускающую сомнѣнія, да еще религіозныя вѣрованія все менѣе и менѣе основываются на внѣшнемъ авторитетѣ, а болѣе на личной фантазіи; тѣмъ не менѣе, такъ какъ формы, въ которыхъ можетъ высказаться фантазія человѣка не безконечно разнообразно, — то между людьми образуются новыя религіозныя секты, новыя

религіи. И всякая религія, догматы которой не противурѣчатъ современной наукѣ, есть религія разумная до тѣхъ поръ пока она сознаетъ свое отличіе, какъ религія, отъ положительнаго знанія науки.

Гипотеза невѣсомыхъ жидкостей, — одной, двухъ или болѣе—есть не фактъ науки, но догматъ религіи одной изъ современныхъ сектъ; отчего же вѣрованіе въ необходимый прогрессъ человѣчества, въ постоянное уменьшеніе несправедливости въ человѣческомъ обществѣ, отчего же это вѣрованіе не можетъ служить догматомъ для разумной современной религіи? Это вѣрованіе не противурѣчитъ ни научнымъ фактамъ, ни внутренней потребности человѣчества. Въ полетѣ пера кружащагося въ воздухѣ при всей его видимой неправильности существуетъ законъ, и этотъ законъ приводится на измѣреніе небольшаго числа ускореній опредѣляющихъ движеніе; въ исторіи человѣчества существуетъ ли подобный законъ? — Можетъ быть нѣтъ, можетъ быть да: наука не можетъ рѣшительно сказать ни того ни другаго, но не произнося своего рѣшенія, она тѣмъ самымъ позволяетъ человѣку создать своей фантазіей

отвѣтъ не противурѣчащій ея даннымъ; аналогія же міра физическаго дозволяетъ кажется, съ большею вѣроятностью допустить необходимость всѣхъ нравственно-историческихъ явленій, чѣмъ случайность ихъ. Да, мнѣ кажется, можно принять вмѣсто Гегелева: "все существующее—разумно"— другой догматъ: "все существующее — необходимо." Но желаніе лучшаго, справедливѣйшаго, полнѣйшаго развитія жизни есть одно изъ духовныхъ явленій въ человѣкѣ; какъ сила существующая, необходимая, постоянная, это желаніе должно производить свое дѣйствіе; совершенствованіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ нѣкоторые опредѣленные періоды времени есть фактъ исторіи; въ такомъ случаѣ ничто не противурѣчитъ и другому догмату моей религіи—постепенному и необходимому совершенствованію человѣчества. Временныя видимыя отклоненія отъ этаго закона въ движеніи исторіи не служатъ доказательствомъ его нарушенія, какъ пертурбаціи планетъ не служатъ противурѣчіемъ закону Кеплера, но объясняются вмѣстѣ съ нимъ великою гипотезою Ньютона. Доказать совершенствованіе конечно нельзя, но оно не

приводитъ къ противурѣчію и потому есть догматъ одной изъ разумныхъ современныхъ религій, хотя и не фактъ науки.

И я вѣрю въ возможность преобразованія и совершенствованія Россіи, не страшнымъ переворотомъ, который разрушитъ все существующее чтобъ дать вырости новому, но примиреніемъ прошедшаго съ будущимъ, примиреніемъ, которое конечно будетъ имѣть свои жертвы, свои потрясенія, но не болѣе другаго историческаго переворота. И когда въ исторіи прошлое гибло безвозвратно? Самый фанатическій побѣдитель заимствовалъ всегда кое-что у побѣжденнаго и слѣдствіемъ непримиримаго, по видимому столкновенія двухъ противуположныхъ общественныхъ стремленій было всегда нѣчто новое, непохожее на идеалъ обоихъ боровшихся стремленій, но примирившее ихъ въ себѣ неожиданнымъ образомъ.

Вашъ голосъ есть одна изъ силъ участвующихъ въ перестроеніи Руси, но эта сила не единственная, и будущее движеніе опредѣлится совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ присущихъ нашему отечеству. Но очень трудно судить объ этихъ силахъ, особенно у насъ, при разно-

образномъ наслоеніи образованностей, при совершенномъ отсутствіи публичности, при отсутствіи замѣчательныхъ личностей, около которыхъ можно было бы сгруппироватьтя, при общемъ незнаніи нашихъ средствъ и потребностей, незнаніи, которое одинаково и въ правительствѣ и въ обществѣ. Слѣдствіемъ деспотизма предъидущаго государя было полное удаленіе способныхъ людей изъ управленія; въ наше время трудно назвать пять, шесть человѣкъ, которымъ бы можно было быть совѣтниками императора, а безъ способныхъ людей въ управленіи какая же мѣра возможна?

Освобожденіе крестьянъ есть точно мѣра необходимая, но кто же изъ правительственныхъ лицъ способенъ ее выполнить какъ слѣдуетъ? Самые доброжелательные люди въ государственномъ совѣтѣ сочинили бы проэктъ едва ли исполнимый и который бы навѣрно повлекъ за собою тысячи неустройствъ. Люди, служащіе всю жизнь въ Петербургѣ и пріѣзжающіе наѣздомъ въ губерніи не имѣютъ понятія о потребностяхъ и средствахъ сельской жизни. Самые помѣщики повѣрьте большею частью сознаютъ необходимость освобожденія, но не знаютъ какъ

приняться за дѣло. Логическая несправедливость рабства очевидна, но исторія имѣетъ свои права и логика должна рѣшать вопросы исторіи, а не отрицать ихъ. Часто, защищая ваши мысли въ кругу знакомыхъ, я слышалъ сильныя нападки на васъ за то, что требуя освобожденія крѣпостнаго сословія, вы не указываете практическаго пути къ рѣшенію вопроса. Я васъ въ этомъ не обвиняю. Вы никогда помѣщикомъ не были, т. е. помѣщикомъ жившимъ въ деревнѣ, управлявшимъ крестьянами и имѣньемъ; вы провозглашаете начало, предоставляя чернорабочимъ найти средства его приложенія. Но тутъ встрѣчается множество затрудненій, я не говорю уже о томъ, что мелкое дворянство едва ли не есть единственное сословіе, на которомъ лежитъ надежда нашего будущаго, едва ли это не нашъ русскій tiers-état, и его внезапное раззореніе не есть желательное событіе; я не говорю и о томъ, что одно изъ главныхъ началъ матеріяльнаго благосостоянія нашего отечества есть торговля хлѣбомъ, который конечно сбирается не съ дурно обработанныхъ крестьянскихъ нивъ, а съ помѣщичьихъ запашекъ, въ слѣдствіе чего внезапное лишеніе ра-

бочихъ рукъ для этихъ запашекъ есть вопросъ государственный; я теперь хочу сказать только о благосостояніи самаго крѣпостнаго сословія; дѣло не въ томъ только, чтобы крестьянинъ былъ не крѣпостный, но чтобъ онъ былъ точно свободенъ, чтобы устранить возможность злоупотребленія его силъ какъ чиновникомъ, такъ и сосѣдомъ крестьяниномъ - кулакомъ; дѣло въ томъ, чтобы освободить крестьянъ не нищими, полгода живущими на хлѣбѣ помѣщика, не по недостатку земли, а по недостатку труда въ обработкѣ своей нивы; дѣло въ томъ, чтобы возбудить въ крестьянахъ желаніе заработать себѣ своимъ трудомъ не только годовое пропитаніе, но и небольшой избытокъ; дѣло въ томъ, чтобъ отклонить его отъ страсти къ мелкой промышленности и бродячей жизни и пріучить къ любви полевой работы.

Вы скажете можетъ быть, что все это само собою сдѣлается когда крестьянинъ будетъ свободенъ; я надѣюсь что вы правы, я вѣрю этому, но изъ практиковъ дѣла этому многіе не вѣрятъ. Весьма многіе полагаютъ, что свобода при нераздѣльной общинной собственности не возбудитъ въ крестьянахъ любви къ труду, что

этого можно достигнуть только сдѣлавъ крестьянина частнымъ собственникомъ, а это было бы начало того раздробленія земли и пролетаріата, который давитъ западную Европу. Опытъ въ этихъ обстоятельствахъ производить страшно; потому что огромная отвѣтственность лежитъ на производителяхъ, — отвѣтственность предъ Россіею и предъ человѣчествомъ.

Единственнымъ возможнымъ путемъ была бы полная публичность данная вопросу, дозволеніе всякому печатно высказывать свои мысли объ этомъ предметѣ, и, послѣ совершеннаго уясненія вопроса печатной полемикой, повѣленіе составить въ каждомъ уѣздѣ комитетъ изъ помѣщиковъ для представленія въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ проэкта освобожденія для своего уѣзда. Наконецъ, по представленіи проэктовъ, собраніе депутатовъ отъ всѣхъ уѣздовъ въ Петербургъ или Москву, для составленія плана освобожденія крестьянъ въ цѣлой Россіи, плана согласнаго съ началами справедливости и съ существующимъ сельскимъ хозяйствомъ каждой мѣстности.

Конечно этотъ путь весьма длиненъ, но онъ единственный, по моему мнѣнію, который

представляетъ болѣе другихъ ручательствъ къ разумному исполненію великаго начала. Но гдѣ министръ который рѣшится предложить государю подобный проэктъ, и защищать его въ государственномъ совѣтѣ во время обсужденій, во время волненій, которыя будутъ непремѣннымъ его слѣдствіемъ? Гдѣ государь, который рѣшится принять эту мысль и провести ее до конца, не останавливаясь на полдорогѣ и не сворачивая на старую колею, когда большая часть мандариновъ его окружающихъ укажутъ ему на множество частныхъ неудовольствій, на необходимыя слѣдствія въ будущемъ — весьма опасныя для самодержавія, и при этомъ преувеличивая мѣстныя бѣдствія. Я не смѣю надѣяться на явленіе такаго самоотверженнаго министра и на такую широкую любовь къ своему народу въ государѣ, любовь, которая хочетъ не улыбки окружающихъ, не благодарности и сознанія въ самую минуту дѣйствія, но блага народа и отечества въ будущемъ. Нѣтъ, надо слишкомъ исключительныя натуры, слишкомъ героическія качества въ лицахъ правительственныхъ, чтобъ надѣяться теперь же на приведеніе въ дѣйствіе плана разумно задуманнаго и рѣ-

шительно исполненнаго. Здѣсь всего болѣе опасаются волненія въ народѣ когда вопросъ будетъ поднятъ; какъ будто этого волненія можно избѣгнуть? Какъ будто рано или поздно, въ большемъ или меньшемъ объемѣ оно не проявится? Цѣль благоразумнаго правительства должна бы заключаться не въ невозможномъ его устраненіи, а въ приведеніи къ наименьшей возмутительной величинѣ. Но печатная полемика и разсужденія уѣздныхъ коммитетовъ едва ли такъ сильно подѣйствуютъ на народъ, особенно въ спокойное время, когда нѣтъ особенныхъ причинъ волноваться. Предлагаемый способъ представилъ бы, я думаю, и наименьшую опасность для самыхъ помѣщиковъ.

Но какъ далеко нынѣшнее правительство отъ самой мысли о рѣшеніи вопроса этимъ способомъ, показываетъ слѣдующее: вопросъ объ исторіи сельской общины, начавшійся между Чичеринымъ и Бѣляевымъ, могъ легко возбудить и началъ уже возбуждать статьи о несвободномъ состояніи, и немедленно вышло распоряженіе не касаться страшнаго вопроса о крѣпостномъ правѣ. Когда государь былъ до коронаціи въ Москвѣ, то внезапно разлетѣлась

изъ Москвы по всей Россіи вѣсть, что онъ сказалъ предводителямъ дворянства московской губерніи слѣдующую рѣчь: "Я знаю, господа, что между вами разнесся слухъ о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, думать о томъ: какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія."

Была ли точно сказана эта рѣчь, или это чистая выдумка? Трудно рѣшить. По крайней мѣрѣ циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ какъ будто опровергаютъ первое предположеніе; мнѣ говорили что она была рѣшительно отвергнута въ Le Nord. Но какая партія могла придумать подобную рѣчь, которая быстро разлетѣлась, безъ измѣненія редакціи, повсюду?

Казалось бы, что придумать можно было рѣчь и порѣшительнѣе. Между тѣмъ въ народѣ существовало глубокое убѣжденіе въ томъ, что въ день коронаціи крестьяне будутъ освобождены; объ этомъ даже составилась легенда. Въ народѣ говорили (въ Бѣлоруссіи) что нынѣшняя государыня, вступая въ бракъ, сначала не соглашалась на него, чтобъ не быть императрицей надъ страною гдѣ господствуетъ рабство, что она требовала и получила согласіе жениха освободить мужиковъ, по вступленіи его на престолъ, что потомъ, когда онъ сдѣлался императоромъ, она напомнила ему обѣщаніе и со слезами умоляла исполнить, что онъ не соглашался сначала, но потомъ рѣшился. Какимъ образомъ родился этотъ разсказъ? — Какимъ образомъ вошла въ него эта чужестранка мало знакомая народу? Отчего именно она сдѣлалась центромъ народной сказки? Богъ знаетъ, но новая императрица есть довольно загадочное существо, по огромному разнообразію мнѣній объ ней, даже лицъ, которыя бы казалось должны ее ближе знать.

Я говорилъ вамъ только объ одномъ вопросѣ, объ освобожденіи крестьянъ и на этотъ разъ не

могу коснуться другихъ, столь же важныхъ, если не болѣе. Можетъ быть предоставится еще случай мнѣ написать вамъ и я постараюсь имъ воспользоваться, чтобъ повторить вамъ полное выраженіе моего сочувствія и уваженія. Но не могу оставить пера не сказавши вамъ еще нѣсколько словъ.

При шаткости правительственныхъ началъ, при недостаткѣ руководящихъ личностей, что должно дѣлать каждому изъ насъ? Какая обязанность лежитъ на русскомъ гражданинѣ въ настоящую минуту? Готовиться и исполнять свой долгъ, отвѣчаю я по крайнему разумѣнію. Готовиться—изученіемъ и очищеніемъ. Недостатокъ знанія, его поверхностность, его односторонность есть одна изъ язвъ нашего общества; мы не знаемъ ни себя, ни отечества, ни общественныхъ требованій; одна коснувшись до вопроса, проникнувъ въ его сущность, не устранивъ ни одного изъ его затрудненій, мы думаемъ что мы рѣшили вопросъ; увлекаясь поочередно логикой, фантазіей, рутиной, поочередно теряясь въ разнообразіи явленій или отрицая факты чтобы удобнѣе отъ нихъ отдѣлаться, мы постоянно забываемъ что только въ

цѣльномъ удовлетворенiи всѣмъ общечеловѣческимъ началамъ заключается истина практическая, что отрицать существующаго нельзя, но можно примирить разныя его стороны между собою; наука спокойная и безстрастная, наука обнимающая природу и исторiю, наука духа, наука отечества должны составить первую ступень нашего приготовленiя.

Другое бѣдствiе нашего общества есть нравственное униженiе личности. Но только личности уважаемыя могутъ быть полезны отечеству. Чтобы въ данную минуту подать свой голосъ въ важномъ вопросѣ предъ судомъ отечества, надо чтобъ прошедшее не тяготѣло на насъ, не грязнило насъ, чтобы намъ не нужно было отъ него отрекаться и мѣнять лагерь. Въ этомъ случаѣ полумѣры губительны. Либералъ, который среди тонкихъ намековъ на современное зло, кадитъ современному идолу, чтобы только прошло остальное, можетъ быть и полезенъ въ данную минуту, но онъ отрекается отъ будущаго. Можно молчать и проходить безвѣстнымъ среди знаменитостей, чувствуя что могъ бы стать на равнѣ съ ними; но лгать своему убѣжденiю, чтобы высказать часть его, вредно:

Русскимъ и особенно тѣмъ, которые чувствуютъ въ себѣ хоть сколько нибудь силы, должно каждому стараться очиститься отъ грѣха лжи, идолопоклонства и униженія собственной личности, даже въ мелочахъ. Только этимъ можно готовиться къ будущему. Придетъ мгновеніе, такъ или иначе, когда болѣзнь, разлитая по жиламъ отечества, выразится кризисомъ болѣе или менѣе сильнымъ, болѣе или менѣе опаснымъ, — придетъ минута, когда эмпирики, шарлатаны, рутинеры отступятся отъ одра больнаго и когда самъ больной потребуетъ болѣе раціональнаго леченья. Будемъ молча готовиться къ этой минутѣ, будемъ готовить къ ней дѣтей нашихъ, чтобы кризисъ не засталъ насъ въ расплохъ, чтобы рутина не надсмѣялась тогда надъ растерянностью разумныхъ началъ,—тогда смѣло и цѣликомъ выскажемъ давно созрѣлую мысль, тогда выступимъ на новую дѣятельность рядомъ честныхъ личностей — и если мы принесемъ отечеству хоть одинъ достойный совѣтъ, если уменьшимъ страданіе и удалимъ болѣзнь хоть одного органа — мы не даромъ учились, наше семя принесло плодъ.

А пока будемъ дѣлать свое дѣло: когда наи-

болѣе самоотверженные ставять свое знамя на берегахъ Темзы и обрекая себя изгнанію, звонятъ въ набатный колоколъ, не давая заснуть родинѣ;—другіе, не столь рѣшительные, пусть добросовѣстно совершаютъ ежедневный черновой трудъ. Всякій изъ насъ имѣетъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе широкій кругъ дѣятельности и въ этомъ кругѣ онъ можетъ совершить благо. Будемъ исполнять свой долгъ. Чиновникъ исполняющій совѣстливо свое дѣло, начальникъ пріучающій подчиненныхъ къ человѣческому обращенію и къ любви къ труду, учитель старающійся влить въ ученика результатъ современной науки, помѣщикъ приготовляющій крестьянъ къ будущей свободѣ улучшеніемъ ихъ благосостоянія—исполняютъ свой долгъ и тогда когда они не борятся со зломъ взяточничества, высокомѣрія, невѣжественной рутины и барскаго своеволія, господствующихъ надъ ними и около нихъ. Въ какой малой мѣрѣ ни сдѣлано добро, уже хорошій примѣръ принесетъ какую нибудь пользу. Пусть каждый изъ насъ не отказывается отъ исполненія долга въ малой мѣрѣ по невозможности большей дѣятельности.

Вотъ моя программа. Согласны ли вы будете со мной? Мнѣ кажется хотя частью согласны. Этимъ кончаю мое письмо. Не старайтесь угадать мое имя, оно вамъ совершенно неизвѣстно. Его нѣтъ въ печати на страницахъ журналовъ, его нѣтъ въ высшихъ сферахъ назначаемыхъ и награждаемыхъ, которыя пестрятъ столбцы газетъ. Но я человѣкъ и Русскій; я уважаю и люблю васъ заочно.

СОВРЕМЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain.

Посвящено

ВИКТОРУ ГЮГО.

I.

ПРОРОЧЕСТВО

(Январь, 1852.)

Пусть преклоняются предъ палкою народы!
Пусть попранъ и презрѣнъ законъ!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считаютъ за нелѣпый сонъ!
Безсмертна истина! не поколеблютъ люди
Ея несокрушимый храмъ;
Ея огонь зажжетъ опять ихъ груди
И поселится тамъ...
Кто передъ истиной колѣна преклоняетъ,
Кто вѣритъ въ Бога своего,
Тотъ безъ завѣсъ грядущее читаетъ
И людямъ возвѣститъ его...

*

Какъ злые коршуны надъ пищею кровавой
Сидѣли надъ своей добычею цари.
Ихъ власть была свята; развратъ былъ ихъ забавой;
Народъ страдалъ, молчалъ, и ждалъ своей зари.
И вотъ она взошла: и бури взволновали
Дремавшій издавна народовъ океанъ;

Престолы рухнули, и кровью искупляли
Тогда цари земли свой вѣковой обманъ.
Но утомилися народы отъ волненій:
Напитокъ равенства хмѣленъ былъ для дѣтей.

Міръ задремалъ: надъ нимъ вознесся деспотъ-геній;
Онъ палъ, и сонный міръ сталъ вновь рабомъ царей.
И много лѣтъ прошло. И снова кличъ свободы
Отъ Сены береговъ пронесся черезъ свѣтъ,
И встали мощные предъ тронами народы
Грозя царямъ бѣдой и требуя отчетъ.
Монархи, трепеща на ненадежномъ тронѣ,
Для усмиренія разгнѣванныхъ судей
Бросали имъ права, министровъ и короны,
Блюсти во вѣкъ законъ клялись душой своей.

Но деспотъ сѣвера склонился къ ихъ моленью;
Тяжелый бросилъ мечь онъ на вѣсы судьбы.
"Оставьте" онъ сказалъ "мечту освобожденья:
Царямъ—отъ Бога власть; народы—ихъ рабы!"
Возстали всѣ цари по слову властелина:
Толпа слугъ-воиновъ ихъ окружила тронъ,
Забывши для наградъ призванье гражданина,
И повторили всѣ: "свобода—это сонъ!"
Какъ хитрый жидъ-торгашъ, какъ ябедникъ-подъячій
Цари нарушили священный договоръ,
Отъ слова отреклись, надъ клятвою горячей
Смѣялись, и права вонъ вымели какъ соръ...
И самый тотъ народъ, свободы проповѣдникъ,
Забылъ свои права, призванью измѣнилъ;
Безславный—имени великаго наслѣдникъ,
Постыдное ярмо на гражданъ наложилъ.

Страхъ подлый обуялъ, оцепенилъ народы

И безпрепятственно нарушенъ былъ законъ...
"Изгнаніе и смерть защитникамъ свободы!"
И повторяли всѣ: "свобода — это сонъ!"

*

Нѣтъ! отгоните прочь коварное сомнѣнье,
Не вѣрьте слугамъ зла, невѣжества и тьмы!
То не мечта, за что страдали поколѣнья,
Къ чему стремились великіе умы...
Ударитъ часъ: придетъ неправды наказанье;
Придетъ для всей земли желанная пора;
Стократною цѣной искупятся страданья:
Наставетъ торжество свободы и добра...
А вы, цари земли! вы, пастыри народа!
Падучею здѣсь прочится ваша власть,
И вамъ проклятіе пройдетъ изъ рода въ роды!
Спѣшите вѣриться, чтобы страшнѣй упасть!
Готовьтесь! скоро васъ настигнетъ наказанье:
Придутъ къ вамъ мстители потребовать отвѣтъ,
И не помогутъ вамъ пустыя обѣщанья:
Клятвопреступникамъ ужъ не повѣритъ свѣтъ....
Да грянетъ вѣчное, тяжелое проклятье
Свободы хищникамъ, Европы королямъ!
Забыли вы свой долгъ, и то что люди братья:
Вы безаконные цари — проклятье вамъ!
И ты, сынъ случая, избранникъ милліоновъ,
Воздвигшій власти свою на трусости людей,
Измѣнникъ Франціи, присягъ, врагъ законовъ!
Потомство кинетъ стыдъ навѣки тебѣ!
И вѣчный стыдъ всѣмъ тѣмъ, которые кручину
Отчизны въ страшный часъ, смѣясь, пренебрегли,
Присягу попрали — присягъ гражданина,

Приказъ начальника—закону предпочли!
Стыдъ вѣчный воинамъ—опорамъ самовластья!
Стыдъ вѣчный знамени-отечества бичей!
Убійцамъ братій стыдъ, безъ мысли и безъ страти
Провозгласившимъ власть свободы палачей!..

*

И ты, одинъ изъ всѣхъ не дрогнувшій понынѣ,
Полміра властелинъ, самодержавный царь!
Для подданныхъ твоихъ, твои слова—святыня,
Желаніе—законъ, и твой престолъ—алтарь.
Внѣ правъ твоихъ—нѣтъ правъ; ты выше всѣхъ [законовъ;
Безпрекословною, безсмысленной толпой
Разноплеменные десятки милліоновъ
Во прахѣ ногъ твоихъ лежатъ передъ тобой.
Монархамъ Запада ты подаешь совѣты;
На сонмѣ королей Европы ты глава;
Стоокою толпой стоятъ твои клевреты,
Въ народѣ сторожа и мысли и слова...
И вѣришъ ты въ свое божественное право:
Ты вѣришъ что престолъ твой непоколебимъ,
Что какъ утесъ средь бурь стоитъ твоя держава,
Что ввѣкъ твои слова законъ рабамъ твоимъ.
Но и для нихъ придетъ пора освобожденья
Когда лучь истины проникнетъ ихъ умы:
Не вѣченъ будетъ сонъ; настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И вырастетъ тогда общественное мнѣнье,
Признаетъ русскій царь народныя права,
Къ гражданской доблести воскреснутъ поколѣнья,

Свободно потекутъ и мысли и слова.
Молись, чтобъ тогда не выстрадали внуки
За все величіе, за всѣ твои дѣла!
Молись, чтобы безъ слезъ, безъ крови и безъ муки
Освобожденія минута перешла!
Молись, чтобъ лучь одинъ теперешней святыни
Въ печальный часъ твоихъ потомковъ осѣнилъ!
Чтобы грѣхи отца не наказались въ сынѣ!
Молись, чтобы тебя народъ твой позабылъ!

*

Когда надъ обществомъ господствуетъ порокъ
Въ годину злую испытанья,
Встаетъ среди людей восторженный пророкъ;
Чтобъ братьямъ облегчить страданья,
Спокойно будущность указываетъ онъ:
Пусть мчатся годы за годами
Пусть торжествуетъ зло,—божественный законъ
Вновь воцарится надъ умами.
Не сомнѣвайтеся, отчаяніе грѣхъ!
Постигнутъ кары святотатство—
И будетъ лишь одинъ тогда законъ для всѣхъ:
Свобода, равенство и братство!

II.

РУССКОМУ НАРОДУ.

(Декабрь, 1854.)

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!

ХОМЯКОВЪ.

"Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею,
Сказалъ намъ русскій царь.
Во имя Божіе склонитесь предо мною,
Мой тронъ—Его алтарь.
Для Русскихъ не нужны заботы гражданина—
Я думаю за васъ;
Усните: сторожитъ глазъ зоркій властелина
Россію всякій часъ.
Мой умъ васъ оградитъ отъ чуждыхъ нападеній,
Отъ внутренняго зла;
Пусть ваша жизнь течетъ вдали заботъ, въ смиреньи,
Спокойна и свѣтла.
Совѣты не нужны помазаннику Бога:
Мнѣ Онъ даетъ совѣтъ;
Народъ идетъ за мной невидимой дорогой,
Одинъ я вижу свѣтъ.

Гордитесь, Русскіе, быть царскими рабами:
Законъ вамъ—мысль моя;
Отечество вамъ—флагъ надъ царскими дворцами;
Россія—это я."

*

Мы долго вѣрили: въ грязи восточной лѣни
И мелкой суеты
Покорно цѣловалъ рядъ русскихъ поколѣній
Прахъ царственной пяты.
Бездѣйствіе ума надъ нами тяготѣло:
За грудами бумагъ,
За перепискою мы забывали дѣло
Въ присутственныхъ мѣстахъ.
Въ защиту воровства, въ защиту нерадѣнья
Мы ставили законъ;
Подъ буквою его скрывалось преступленье,
Но пунктъ былъ соблюденъ.
Своимъ директорамъ, министрамъ мы служили,
Россію позабывъ,
Предъ ними ползали, чиновъ у нихъ просили
Крестовъ наперерывъ;
И стало воровство намъ дѣломъ обыденнымъ:
Кто могъ схватить, тотъ бралъ,
И между нами тотъ былъ болѣе почтеннымъ
Кто болѣе укралъ.
Разводъ опредѣлялъ познанья генерала,
Онъ глупъ или уменъ,
Церемоніальный маршъ и выправка рѣшала
Чего достоинъ онъ.
Бригадный генералъ былъ лучшій губернаторъ
Искуснѣйшій стратегъ,

Отличный инженеръ, правдивѣйшій сенаторъ,
Честнѣйшій человѣкъ.
Начальникъ, низшаго права не соблюдая,
Былъ деспотъ, полубогъ,
Безсмысленный сатрапъ былъ царскій бичъ для края,
Губилъ, вредилъ гдѣ могъ.
Сталъ конюхъ цензоромъ, шутъ царскій—адмираломъ,
Клейнмихель—графомъ сталъ;
Россія роздана въ аренду обираламъ...
Чтожъ Русскій?.. Русскій спалъ...

*

Кряхтя несъ мужичекъ какъ прежде господину
Прадѣдовскій оброкъ;
Кряхтя помѣщикъ клалъ вторую половину
Имѣнія въ залогъ;
Кряхтя, по прежнему дань Русскіе платили
Подьячимъ и властямъ;
Шептались межь собой, ворчали, говорили
Что это стыдъ и срамъ,
Что правды нѣтъ въ судѣ, что тратятъ милліоны
—Россіи кровь и потъ—
На путешествія, кіоски, павильоны,
Что плохо все идетъ;
Потомъ за ералашъ садились по полтинѣ
Косясь по сторонамъ,
Рашели хлопали, бранили Фрецциллини,
Лорнировали дамъ,
И низко кланялись продажному вельможѣ,
И грызлись за чины,
И спали, жизнь свою заботой не тревожа
Отечества сыны;

Иль удалялись въ глушь прадѣдовскихъ имѣній
Въ бездѣйствіи жирѣть,
Мечтать о пирогѣ, бесѣдовать о сѣнѣ,
Животнымъ умереть...
А если кто нибудь, средь общей летаргіи
Мечтою увлеченъ,
Ихъ призывалъ на брань за правду и Россію,
Какъ былъ бѣднякъ смѣшонъ!
Какъ ловко надъ его безумьемъ издѣвался
Чиновный фарисей!
Какъ быстро отъ него, блѣднѣя, отрѣкался
Вчерашній кругъ друзей.
И, подъ анаѳемой общественнаго мнѣнья,
Средь сброда рудниковъ
Онъ узналъ, что грѣхъ прервать оцѣпенѣнье
Тяжелый сонъ рабовъ...
И онъ былъ позабытъ. Порой лишь о безумцѣ
Шептали здѣсь и тамъ:
"Быть можетъ онъ и правъ... да, жалко вольнодумца...
Но что за дѣло намъ?"

*

Гордились мы однимъ: могуществомъ Россіи
Въ собраньи королей;
"Что намъ—мы думали—ихъ укоризны злыя,
Мы все таки сильнѣй."
Когда на площади, предъ царскою коляской
Шли стройные полки,
Знамена вѣяли, блестѣли грозно каски
И искрялись штыки,
И надъ колоннами окрестность оглашая,
Гремѣлъ привѣтный кликъ—

Мы вѣрили на мигъ: сильна страна родная
И русскій царь великъ.
Мы вѣрили, гордясь необозримымъ краемъ,
Мильонами штыковъ:
"Не любятъ насъ за то, что мы преобладаемъ
Надъ сонмищемъ враговъ."
И вотъ ударилъ часъ: британскіе интиг
Пустили въ оборотъ
Народовъ ненависть давнишнюю къ Россіи
И наступилъ расчетъ...
И бросилъ Францію къ кровавый путь сраженій
Вѣнчанный интриганъ,
И стала Австрія готовиться къ измѣнѣ:
Всталъ врагъ отъ всякихъ странъ...
А мы?... смѣялись мы началу непогоды:
Мы гордо шли на бой.
"Пусть—говорили мы—безумствуютъ народы;
Силенъ нашъ край родной.
Предвидѣлъ русскій царь давно уже волненье
Все приготовилъ онъ,
И міровой борьбы ждетъ тяжкое мгновенье
Спокоенъ и силенъ."
И крѣпче прежняго сбирались мы вокругъ трона,
Внимая бранный кликъ:
Давали богачи отчизнѣ милліоны,
Свой грошъ давалъ мужикъ...

*

И чтожъ? застала въ расплохъ насъ взрывъ вражды
[народной;
Въ тяжелый, мрачный часъ
Объялъ посланниковъ сонъ глупости природной:

Всѣ обманули насъ.
Куда дѣвался солдатовъ милліоны?
Гдѣ былъ готовъ отпоръ?
Мы все не вѣрили, а слышались ужъ стоны
Изъ за кавказскихъ горъ;
Предѣлы русскіе война ужъ разорила,
Уже страдалъ народъ,
Съ креста Исакія Россія увѣнчала
Британскій гордый флотъ.

Одинъ курьеръ идти впередъ несъ приказанье,
Другой идти назадъ,
И двигались войска безъ цѣли, безъ сознанья—
То былъ ужъ не парадъ...
И было мало насъ вездѣ гдѣ врагъ явился;
Солдатъ нашъ грудью бралъ:
Глупѣе прежняго за то распоряжался
Парадный генералъ.

Тамъ отступали мы отъ фортовъ Силистріи
Съ потерей и стыдомъ,
Здѣсь унижали мы достоинство Россіи
Предъ габсбурскимъ орломъ;
Тутъ берегъ финскій весь былъ преданъ разграбленью;
Тамъ гордый адмиралъ—
Амфибія, герой проигранныхъ сраженій
Своей земли не зналъ;
Толпой любимчиковъ ничтожныхъ окруженный,
Онъ погубилъ нашъ флотъ,
Паркетный бонмотистъ, шутъ колкій и надменный,
Злой геній—для остротъ...

Онъ защищаетъ Крымъ, высокостямъ съ почтеньемъ
Онъ раздаетъ кресты...

А Русскихъ кровь течетъ...врагъ ближе къ укрѣпленьямъ...
Россія! гдѣ же ты?

*

Проснись, мой край родной, изъѣденный ворами,
Подавленный ярмомъ,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпіонствомъ, ханжествомъ!
Отъ сна невѣжества, отъ бреда униженья,
Отъ лѣни вѣковой
Возстань и посмотри: вездѣ кипитъ движенье,
Чередъ ужъ за тобой!
Давно гнетутъ тебя наслѣдники Батыя;
Нѣтъ права для тебя...
Проснись, проснись! возстань несчастная Россія!
Твой Богъ зоветъ тебя...
Не въ звучномъ пѣніи торжественнаго клира
Предъ ликомъ золотымъ,
Въ живой душѣ ищи глаголъ владыки міра,
Внимай словамъ живымъ!
Встань: ты предъ идоломъ колѣна преклоняешь
Внимаешь духу лжи,
Свободный, вѣчный духъ ты рабствомъ оскверняешь...
Оковы развяжи!
Возстань свободная предъ силой беззаконной
Предъ хаосомъ властей!
Отъ неурядицы спасенье, оборону
Ищи въ душѣ своей!
Припомнимъ, Русскіе, печальную годину
Пору великихъ смутъ,
Когда боярин-князь по слову мѣщанина
Шелъ на кровавый судъ,

Когда Полякъ царилъ надъ матушкой-Москвою,
Огромнымъ пустыремъ
Лежала наша Русь; шла челядь злой толпою
За тушинскимъ царемъ...
Но въ день безвластія проснулась Русь родная
Сознаніемъ силы;
Живой глаголъ пропелъ отъ края и до края,
И поднялась она...
Встань на анархію чиновныхъ мандариновъ
Теперь, какъ подъ Москвой,
На крамолу бояръ, на Ляховъ и Литвиновъ
Ты шла живой стѣной!
Предъ тропомъ деспота, безъ крипоти и проклятій
Предстань судьей, народъ!
За славу русскую, за кровь всѣхъ падшихъ братій
Пускай онъ дастъ отчетъ...

*

Скажи ему: не Богъ вознесъ тебя надъ нами;
Твой тронъ—не Божій тронъ;
Не Онъ насъ осудилъ твоими быть рабами;
Нѣтъ! рабство не законъ!
Гдѣ знаки твоего божественнаго права?
Гдѣ чудеса твои?
Гдѣ кротость голубя—свидѣтель недужный?
И мудрость гдѣ змѣи?
Россія облекла тебя верховной властью,
Ты на землѣ былъ Богъ—
Владѣлъ ли ты собой? поборолъ ли страстью?
Все-ль совершилъ что могъ?
Читаешь ли ты, царь, презрѣніемъ пророка
Въ ушахъ, въ сердцахъ людей?

Ты ненавидишь ли слугъ лести и порока?
Живешь ли для дѣтей?
Ты слушаешь ли, царь, гласъ Божій—гласъ народа?
Зовешь ли въ свой совѣтъ
Ты крѣпкихъ доблестью—не знатностію рода,
Не древностію лѣтъ,
Не раболѣпныхъ слугъ, не алчныхъ чинолюбцевъ,
Клеветниковъ, ханжей,
Продажныхъ обиралъ, развратныхъ сластолюбцевъ,
Безчувственныхъ судей?
Нѣтъ! увлекался ты невѣденьемъ и страстью;
Ты прямодушье гналъ;
Въ опасную игру своей игралъ властью;
И Русь позабывалъ;
Ты дѣлалъ все смотры; ты отмѣнялъ султаны;
На перекоръ уму
Подъ предложеніемъ невѣжды, шарлатана
Писалъ "быть по сему!"
Ты собралъ цензоровъ презрѣнную породу,
Чтобъ сонъ твой охранять,
Чтобы не видѣть слезъ, не слышать стонъ народа,
Чтобъ правдѣ не внимать...
Ты предалъ истину на тяжкія мученья,
На смерть ее обрекъ:
Распни, распни ее! кричали въ изступленьи
Безумство и порокъ.
Она истерзана, оплевана рабами,
Въ ночи погребена;
На камень гробовой нечистыми руками
Печать наложена,
И стражу строгую надъ грозною могилой
Поставилъ Фарисей,

И деспотъ говоритъ, гордясь своею силой:
"Нельзя воскреснуть ей."
Но видишь ли: заря зажглася на востокѣ—
То третій день насталъ...
Давно тотъ свѣтлый день провидѣли пророки;
Довольно міръ страдалъ...
Ты видишь ли: въ огнѣ несутся херувимы
Съ пылающихъ небесъ...
Ты слышишь ли: гремитъ ихъ гласъ незаглушимый:
Христосъ, Христосъ воскресъ!
Воскресла истина! на судъ сбирайтесь строгій,
Предъ скипетромъ ея,
Монархи-деспоты, земные полубоги!
Грядетъ вашъ судія!
Предстань, царь, предъ судомъ исторіи, закона,
Предъ божіимъ судомъ!
Ты правду отвергалъ, ты попиралъ свободу,
Ты былъ страстей рабомъ;
Россію погубилъ ты гордостью пустою
И міръ вооружилъ...
Смирись предъ братьями, предъ родиной святою:
Ты немощенъ и хилъ.
"Простите мнѣ,—скажи—мое забвенье, братья!
Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ;
Откройте грѣшнику народныя объятья—
Другой опоры нѣтъ..."
Смирись! летятъ часы; пройдутъ дни испытанья
Исторія не ждетъ...
И грозно подъ тобой волнуется въ молчаньи
Проснувшійся народъ.

I.

ОТВѢТЪ НА ПОСЛАНІЕ ПУШКИНА. (*)

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей
И радостно вздохнутъ народы.

(*) Посланіе Пушкина: "Во глубинѣ сибирскихъ рудъ", бывшее во II кн. Полярной Звѣзды, писано въ 1827 г., послано было въ Петровскій-заводъ, Иркутской губерніи, верхнеудинскаго уѣзда. Подлѣ него, въ деревнѣ Четѣ, построенъ былъ острогъ для ссыльныхъ, извѣстный подъ названіемъ Четинскаго-острога. Комендантомъ его въ то время былъ генералъ Лепарскій, человѣкъ добрый и снисходительный. Кто писалъ отвѣтъ на посланіе — не извѣстно, только оба стихотворенія появились въ Иркутскѣ въ рукописныхъ спискахъ въ одно и тоже время. Это разсказывали Сибиряки.

II.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломились ли Шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотниковъ
Взять неволей иль волей съ Югоріи
Серебро и мѣха драгоцѣнные?
Не пришли ли товары ганзейскіе,
Али снова послы сановитые
Отъ великаго князя московскаго
За обильною данью пріѣхали?
Нѣтъ? уныло гудитъ-поетъ колоколъ...
Поетъ тризну свободѣ печальную;
Поетъ пѣснію съ отчизной прощальную:
"Ты прости, родимый Новгородъ!
Не сзывать тебя на Вѣче мнѣ,
Не гудѣть ужъ мнѣ по прежнему:
Кто на Бога? Кто на Новгородъ?
Вы простите храмы божіи,

Терема мои дубовые!
Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края имъ мѣдные,
Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснью грустною
Мнѣ царя Ивана въ теремѣ.

"Ты прости, мой братъ названый, буйный Волховъ мой,
[прости!
Безъ меня ты праздную радость, безъ меня ты и грусти.
Пролетѣло это время... не вернуть его ужъ намъ,
Какъ и радость, да и горе мы дѣлили пополамъ,
Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ,
Какъ не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой
[плясалъ!
Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ,
Какъ напутную молитву я воинамъ твоимъ гудѣлъ!
Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ,
Какъ гремѣли мы съ тобою: смерть вамъ Суздальцы иль плѣнъ!
Помню я: ты на Ижору Александра провожалъ;
Я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ.

Я гремѣлъ бывало звучный—собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Нѣмцы рижскіе блѣднѣли, и заслышавши меня
Погонялъ Литовецъ дней быстромогаго коня.

А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову
То на Нѣмцевъ, то на Шведовъ, то на Чудь, то на Литву!

Да прошла пора святая : наступило время бѣдъ!
Еслибъ могъ—я бъ растопился въ рѣки мѣдныхъ слезъ; да
[нѣтъ—
Я не ты, мой буйный Волховъ! я не плачу—я пою!
Промѣняетъ ли кто слезы и на пѣсню—на мою?
Слушай: нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву;
Царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву.
Собери скорѣй всѣ волны, всѣ волуны, всѣ струи—
Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи,
А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой
И звони въ меня почаще серебристою волной:
Можетъ быть изъ водъ глубокихъ, вдругъ услыша голосъ мой,
И за вольность и за Вѣче встанетъ городъ нашъ родной."

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Волховъ плещетъ и бьется и пѣнится
О ладьи Москвитянъ острогрудыя,
А на чистой лазури, въ поднебесьи,
Главы храмовъ святыхъ бѣлокаменныхъ
Золотистыми слезками свѣтятся.

III.

* *
*

Когда нашъ Новгородъ великій
Отправилъ за море пословъ,
Чтобъ испросить себѣ владыку
Для буйной вольницы головъ,
Онъ съ откровенностію странной
Велѣлъ сказать чужимъ князьямъ:
Нашъ край богатый и пространный,
Но не дался порядокъ намъ.
Съ тѣхъ поръ родъ Рюрика владѣетъ,
А все порядка не видать.
О Несторъ, Несторъ! кто посмѣетъ
Тебя во лжи изобличать,
Когда на первой же страницѣ
Печать ты правды положилъ;
Ни вѣки буйною станицей,
Ни Петръ желѣзною десницей,
Никто тебя не сокрушилъ.
Все тотъ же Руси жребій странный:
И край богатый и пространный,
И Нѣмцевъ эка благодать,
А все порядка не видать!

IV.

ФРАНЦУЗАМЪ.

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ безъ исключенья,
Какъ ты въ нашъ вѣкъ смѣшно упалъ.
Къ чему вели тебя всѣ бунты, всѣ волненья?
Ты изъ огня да въ полымя попалъ,
Гдѣ эта спорная, несчастная свобода,
Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
Гдѣ братство, равенство, права народа,
Гдѣ ваша къ вольности любовь?
Теперь вы новому властителю такъ рады,
Вы голову предъ нимъ рѣшились преклонить.
Зачѣмъ же строили вы ваши баррикады,
Зачѣмъ же огородъ вамъ было городить?
Нѣтъ, видно не бывать утопіи на свѣтѣ,
И правду—шатку говоря—
Вы не сыны отечества, вы дѣти,
Лягушки вы, просящія царя!
Давно ли президентъ казался вамъ чурбаномъ,
Давно ль какъ надъ шутомъ смѣялись вы надъ нимъ?
И чтожъ?—Облеклись царскимъ саномъ,
Онъ цаплей сдѣлался на зло врагамъ своимъ.
А вы всѣ съежились, хвосты свои поджали,
Склѣяли для него опять разбитый тронъ

И раболѣпно закричали :
Да здравствуетъ Наполеонъ!
Кричите громче! Бѣсноваться
Не въ первый разъ Французамъ безъ пути.
Наполеона вамъ втораго не дождаться,
А съ третьимъ вамъ не далеко уйти.

V.

РУССКІЙ ПѢВЕЦЪ.

При раздѣлѣ міра
Мнѣ сказалъ Зевесъ:
"Вотъ тебѣ, братъ, лира,
Вотъ клочокъ небесъ.
Полную свободу
Дамъ тебѣ кругомъ:
Пой себѣ природу
И Романовъ домъ."

Полонъ мощной вѣры,
Я пошелъ въ лѣса:
Надо мною сѣры
Были небеса;
Тучи, какъ въ дремотѣ
Плыли надъ рѣкой:
Городъ на болотѣ
Всталъ передо мной.

Звѣзды генераловъ
Озаряли путь,
Нѣсколько журналовъ
Силились раздуть
Гдѣ то въ тьмѣ безличья
Тлѣвшій огонекъ
Русскаго величья
Маленькій залогъ.

На плацу солдаты;
Дѣлалъ царь разводъ.

Пастырь бородатый
Поучалъ приходъ.
Подъ кнутомъ боярскимъ
Взятку давъ властямъ,
Рабъ кадилъ о царскомъ
Здравьи eниiамъ.

Прелесть царской власти
Въ сердцѣ ощутивъ,
Укротилъ я страсти
Бѣшеный порывъ.
Къ нѣжнымъ пѣснямъ склонность
Вдругъ я возънемѣлъ
И цѣпей законность
Сладостно воспѣлъ.

Рабства всѣ разряды,
Каждый звукъ цѣпей,
Взятки, мракъ, парады,
Шалости царей,
Крѣпостное право—
Пѣлъ въ поту лица,
И облекся славой
Русскаго пѣвца.

Нынче будто стали
Строже къ соловью:
Громовержецъ! я ли
Безъ усердья пью
Изъ Фонтанки воду,
Чтобы пѣть потомъ
Сѣрую природу
И Романовъ домъ.

VI.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ.
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычный, двуголовый
Всероссійскій нашъ орелъ.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость вѣковъ:
Двуголовье—эмблема, основа
Всѣхъ убійцъ, идіотовъ, воровъ.
Не вступая и въ споры съ глупцами,
При смущающихъ душу рѣчахъ,
Сколько разъ говорили вы сами:
"Да никакъ ты о двухъ головахъ!"
Я нашелъ, друзья, нашелъ и проч.

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьемъ,
Что у насъ каждый штофъ за печатью
Заклейменъ двуголовымъ орломъ,
Нашъ братъ Русскій—ужъ если напьется,
Нѣтъ ни связи, ни смысла въ рѣчахъ:
То цалуется онъ, то дерется—

Оттого, что о двухъ головахъ.

Я нашелъ друзья, нашелъ и проч.

Взятки—свойство гражданскаго міра,
Вѣдь у нашихъ чиновныхъ ребятъ
На обоихъ бортахъ вицмундира
По шести двуголовыхъ орлятъ.
Ну! и спитъ идіотъ безголовый—
Предъ зерцаломъ [illegible] страхъ—
А ужъ грабитъ, такъ грабитъ здорово
Нашъ чиновникъ о двухъ головахъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ и проч.

Правды нѣтъ оттого въ русскомъ мірѣ,
Недосмотры вездѣ оттого, ...
Что всевидящихъ глазъ въ немъ четыре,
Да не видятъ они ничего;
Оттого мы къ шпіонству привычны,
Оттого мы храбры на словахъ,
Что мы всѣ, господа, двуязычны,
Какъ орелъ нашъ о двухъ головахъ.

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безголовый и проч.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАДАЧИ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Въ жизни отдѣльныхъ людей и народовъ бываютъ минуты, когда потрясенные неожиданными событіями, они какъ бы пробуждаются отъ долгаго сна, озираются вокругъ себя и приходятъ къ ясному сознанію своего положенія. Такая минута наступила теперь для Россіи. Долго мы успокоивались на мысли о величіи и могуществѣ нашего отечества, и шли беззаботно тѣмъ путемъ, которымъ насъ вело правительство. Немногіе мыслящіе люди съ горестью понимали, куда мы идемъ. Они видѣли, какъ подъ вліяніемъ ложной системы управленія постепенно расслѣвался государственный организмъ, какъ постепенно подрывались и расшатывались всѣ основы общественной жизни, какъ подавлялись всѣ внутреннія наши силы и какъ народъ осужденъ былъ коснѣть и тупѣть въ своемъ безмолвномъ повино-

вeніи. Они видѣли, что мы незамѣтно приближаемся къ безднѣ, и вдругъ эта бездна открылась передъ нашими глазами. Неожиданно разразилась надъ нами гроза, и въ то время, какъ пробужденные опасностью отечества, мы оглянулись кругомъ себя, мы увидали, что ложная правительственная система подточила могущество Россіи, что у насъ нѣтъ ни людей, ни средствъ бороться съ внѣшними врагами, и что всѣ наши усилія остаются тщетными при той порчѣ общественнаго организма, которая распространилась всюду.

Часъ сознанія насталъ. Голосъ проповѣдниковъ, поэтовъ и публицистовъ призываетъ насъ къ покаянію. Для всѣхъ стали ясны внутренніе наши пороки и недостатки, хотя не всѣ еще можетъ быть, ясно понимаютъ, откуда они произошли и какими средствами можно помочь очевидному злу. Настало время разъяснить себѣ эти вопросы, и углубившись въ себя, собравшись съ силами, извергнуть внутреннюю свою порчу и снова пуститься въ путь съ обновленнымъ духомъ и разумнымъ самосознаніемъ.

Настоящее тяжело и печально: извнѣ страшная гроза, ополченіе народовъ, котораго мы не

въ силахъ отразить, внутри всеобщее растройство и распаденіе. Повсюду беззаконія, повсюду притѣсненія, повсюду жалобы и неудовольствія. Нѣтъ въ общественной жизни отраднаго явленія, на которомъ бы взоръ могъ съ участіемъ остановиться и успокоиться. Одинъ былъ городъ на краю государства, гдѣ сосредоточивался весь героизмъ русскаго народа, и который своею мужественной защитой искупалъ бѣдствія тяжелаго времени. Но и этотъ городъ палъ наконецъ въ неравной борьбѣ. Уныніе распространилось повсюду, и будущее стало, если можно, еще темнѣе.

Какимъ же образомъ дошли мы до такого унизительнаго безсилія? Какимъ образомъ юная и могущественная Россія могла впасть въ такое безвыходное положеніе?

Обратимся къ прошедшему и постараемся въ немъ найдти ключь къ уразумѣнію настоящаго. Посмотримъ подъ какими естественными условіями развивался русскій народъ, каковы его свойства, какова его исторія, и тогда мы, можетъ быть, лучше поймемъ, какой переломъ совершается нынѣ въ его жизни, и что можетъ

вывести его изъ того печальнаго состоянія, въ которомъ онъ находится.

Область Россіи идетъ по неизмѣримому пространству отъ Чернаго моря до Бѣлаго и Балтійскаго однообразною степью, пересѣкаемою только большими рѣками и на Сѣверѣ широкими озерами. Горъ въ ней вовсе нѣтъ, только незначительныя, едва замѣтныя возвышенія теряются на этой обширной плоскости. Скудное народонаселеніе разсѣяно по равнинѣ; села и города лежатъ на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, дороги часто едва проѣзжаемы, и связи между различными центрами нѣтъ никакой. Но съ другой стороны нѣтъ и естественныхъ преградъ, разъединяющихъ народонаселеніе и тѣмъ самымъ соединяющихъ его въ отдѣльные замкнутые союзы. Все расплывается въ ширь, не ища средоточія. Обильная почва легко даетъ пропитаніе, не нужно человѣку посильно трудиться и бороться съ природою. Нѣтъ ничего, вызывающаго дѣятельность и напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ, нѣтъ поразительныхъ картинъ и явленій природы, возбуждающихъ воображеніе, нѣтъ раз-

нообразія, развивающаго различныя стороны человѣческаго духа. Человѣкъ какъ будто затерянъ въ пространной степи; онъ живетъ подъ вліяніемъ однообразной природы и безграничнаго простора, возбуждающаго въ немъ разгулъ и удальство, никуда не направленное.

Подъ вліяніемъ этой среды образовался и характеръ народный. Русскій народъ не слагается изъ отдѣльныхъ частей, живущихъ своею самостоятельною жизнію и носящихъ каждая свой особенный отпечатокъ; онъ составляетъ болѣе или менѣе однообразную массу, разлитую по всему пространству и не имѣющую слишкомъ рѣзкихъ различій въ своихъ частяхъ. Одна только Малороссія, оторванная отъ Россіи — вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, образуетъ какъ бы отдѣльное цѣлое и имѣетъ свою особенную характеристику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта однообразная масса, расплываясь въ безграничномъ пространствѣ, лишена внутренняго средоточія. Въ ней нѣтъ центральныхъ пунктовъ, притягивающихъ къ себѣ разбѣянные интересы и поддерживающихъ въ народѣ жизнь и движеніе. Естественныя условія вели къ образованію великаго государства, но тѣсной,

общественной связи нѣтъ ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ, нѣтъ живыхъ и частыхъ сношеній, возбуждающихъ человѣческую дѣятельность и составляющихъ жизнь общества. Народонаселеніе, разсѣянное по равнинѣ, живетъ болѣе подъ вліяніемъ природныхъ опредѣленій, нежели общественныхъ началъ. Потому нѣтъ въ Европѣ народа, у котораго бы общественный духъ былъ такъ мало развитъ, какъ у Русскихъ; каждый живетъ себѣ особнякомъ, и никому дѣла нѣтъ до общихъ потребностей и интересовъ. Русскій человѣкъ не охотно выходитъ изъ той частной сферы, въ которую поставили его рожденіе и обстоятельства. Онъ любитъ подъ часъ разгуляться, но постоянной дѣятельности не любитъ. Обладая значительными природными способностями, онъ, когда захочетъ, сдѣлаетъ больше и лучше другаго; но это мгновенная вспышка, которая скоро остываетъ. Вообще же онъ не идетъ неутомимо впередъ, а все дѣлаетъ кое-какъ, на авось, случайно и лѣниво. Онъ не умѣетъ создать изъ себя внутренняго многообразнаго міра, и не легко вырывается изъ подъ вліянія тяготѣющей надъ нимъ среды. Изумительна въ немъ сила

обычая и преданія, изумительно, какъ онъ безропотно и покорно подчиняется разъ признанному имъ господству.

Всѣ эти черты ясно показываютъ, что Русскій человѣкъ обладаетъ характеромъ болѣе пасивнымъ, нежели дѣятельнымъ. Но это самое дѣлаетъ его съ другой стороны чрезвычайно способнымъ перенять чужое, и когда его разъ заставятъ выдти изъ обычной колеи, онъ можетъ также легко и въ такой же крайности подчиниться новизнѣ, какъ онъ прежде упорно держался старины. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ онъ не развилъ изъ себя разнообразнаго историческаго содержанія, не выработалъ человѣческихъ началъ—науки, искуства, промышленности, изящества нравовъ. Этому способствовало и удаленіе его отъ Римскаго міра, передавшаго Западнымъ народамъ вѣковыя стяжанія древней исторіи. Русскій народъ принялъ отъ него христіанскую религію, но принялъ ее, можно сказать, языческимъ образомъ. Онъ не усвоилъ себѣ ея отвлеченнаго духовнаго содержанія, отдѣляющаго человѣка отъ земли, его не занимали высокіе философскіе вопросы; христіанство не побуждало его къ

неутомимой дѣятельности на пользу ближняго. Нѣтъ, онъ принялъ преимущественно внѣшнюю обрядную сторону, которая стала для него такимъ же обычнымъ преданіемъ, такой же святынею, какъ и всѣ вѣковые обычаи жизни. Мелочной обрядъ сталъ для него важнѣе существенныхъ истинъ, отъ курящаго табакъ онъ отвращался, какъ отъ богоотступника; измѣненіе книжной буквы сдѣлалось основаніемъ важнѣйшихъ расколовъ. И донынѣ еще въ народѣ живутъ обряды язычества, такъ перемѣшанные съ христіанскими, что ихъ и не отличишь. Достаточно указать на обряды свадебные и другіе, остатки глубокой языческой старины, сохранившіеся доселѣ, какъ свѣжій, вѣчно юный цвѣтъ народнаго быта.

Разумѣется, при такихъ естественныхъ условіяхъ, при такомъ народномъ характерѣ, при отчужденіи отъ древняго образованнаго міра, русская исторія не могла быть такъ богата великими явленіями, какъ исторія Запада. Но русскій народъ способенъ къ развитію, онъ принадлежитъ къ семьѣ народовъ европейскихъ и при всѣхъ своихъ особенностяхъ, при всей скудности историческаго содержанія, онъ раз-

вился параллельно съ ними, по однимъ и тѣмъ же началамъ жизни. Патріархальный бытъ, основанный на кровномъ единствѣ, господствовалъ первоначально, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Но ни одно племя не было такъ способно подчиниться вліянію этого естественнаго элемента человѣческой жизни, какъ племя славянское. У насъ до сихъ поръ сохраняются его остатки. Наоборотъ, ни одно племя не было менѣе способно выдти изъ него путемъ внутренняго развитія, и выработать изъ себя новыя формы общественнаго быта. Между тѣмъ какъ на Западѣ дружинное начало, начало личности и добровольнаго союза, разрушающее естественныя связи, вытекло изъ самой жизни народной, у насъ оно было элементомъ пришлымъ. Патріархальный бытъ поколебался отъ наплыва иноземныхъ стихій, и когда наконецъ оказалась его внутренняя несостоятельность, славянскія племена явили себя неспособными къ созданію новыхъ формъ гражданственности. Для этого нужна была внѣшняя власть, и они принуждены были призвать къ себѣ Варяговъ, старыхъ враговъ своихъ. Имъ они предоставили господство надъ собою и установленіе порядка.

Это замѣчательное явленіе, обратившее на себя вниманіе всѣхъ историковъ, ярко характеризуетъ пасивныя свойства Славянскаго племени и неспособность отдѣльныхъ личностей соединиться самимъ собою въ союзъ, основанный на собственныхъ силахъ и на собственной дѣятельности.

Варяжская дружина окончательно разрушила кровныя связи, и мало по малу замѣнила ихъ началомъ добровольнаго союза, основаннаго на личной волѣ каждаго человѣка. Но личность, какъ мы сказали, не умѣла выработать изъ себя богатаго историческаго содержанія, значительныхъ общественныхъ интересовъ. Вырвавшись изъ подъ вліянія естественныхъ связей, она предалась безграничному разгулу, — и тогда началось то безсмысленное броженіе народныхъ элементовъ, — которое обозначается именемъ удѣльнаго періода. Все предалось кочевому стремленію — и князья, и бояре, и слуги, и торговцы, и поселяне; пошли они ходить по всему пространству широкой Руси, нигдѣ не останавливаясь прочнымъ образомъ, нигдѣ не образуя постоянныхъ и крѣпкихъ формъ жизни. Даже вольные города, Новгородъ и Псковъ,

гдѣ общественное начало было болѣе развито, представляютъ примѣръ такой неурядицы, какую едва ли можно найдти въ другомъ мѣстѣ.

Первые осѣлись князья, и они то и сдѣлались образователями и строителями русской земли. Безсмысленное броженіе не могло продолжаться; нуженъ былъ порядокъ и вотъ явились государи, которые, олицетворяя въ себѣ общественное начало, покорили кочующіе элементы и принудили ихъ подчиниться государственному порядку. Упорнаго и явнаго сопротивленія не могло быть; но трудно было заставить бродячія массы сдѣлаться осѣдлыми и принять на себя постоянныя обязанности. Все бѣжало съ своего мѣста: бояре бѣжали въ Литву, посадскіе люди и крестьяне бѣжали съ земель, къ которымъ они были прикрѣплены. Не легкое дѣло было устроить государство въ землѣ русской. — Иванъ IV долженъ былъ вооружиться всею яростью грознаго вѣнценосца, Борисъ Годуновъ долженъ былъ употребить весь разумъ хитраго политика, чтобъ обуздать разгулъ кочевой жизни. Но едва успѣли они водворить нѣкоторый порядокъ, какъ всѣ подавленные элементы опять взбунтовались и выплыли наружу. На-

стало смутное время. Самозванцы, бояре, казаки, холопы, крестьяне, лашскія и русскія полчища—все пошло гулять по Россіи, шатаясь повсюду, безъ цѣли, безъ мысли, безъ всякаго разумнаго стремленія. Но это было уже послѣднее празднество стариннаго быта; народъ довольно окрѣпъ, чтобы предпочитать государственный порядокъ безсмысленному разгулу. Къ тому же онъ былъ затронутъ въ коренныхъ основахъ своей жизни, въ своей народности и вѣрѣ. Нашествіе иноплеменниковъ переполнило мѣру горечи. Народъ возсталъ, на этотъ разъ самъ собою, безъ всякаго принужденія, и сдѣлавъ отчаянное усиліе, выгналъ Поляковъ и выбралъ себѣ царя, послѣ чего онъ опять погрузился въ свое лѣнивое и покорное состояніе, предоставивъ дальнѣйшую судьбу свою, установленной имъ власти.

Первые Романовы снова водворили порядокъ, но вскорѣ оказалось, что управлять на старый ладъ было невозможно, что крѣпкое государство не можетъ обойтись безъ мысли и просвѣщенія. Россія до Петра Великаго выработывала одну безпорядочную форму общественной жизни; теперь этой формѣ надлежало придать разум-

ность и стройность, — надлежало оживить ее мыслью, и какъ ученикъ, Петръ Великій обратился къ западнымъ народамъ, хранителямъ мысли и просвѣщенія. Русскій царь надѣлъ на себя матросскую куртку, чтобы служить образованію, которое онъ хотѣлъ насадить въ своемъ отечествѣ. Это великое и благородное явленіе служитъ указателемъ новаго направленія въ русской исторіи; отселѣ она получаетъ болѣе обширное и возвышенное значеніе. Русскій народъ вдвигается въ европейскую семью, и становится однимъ изъ народовъ, управляющихъ ходомъ историческихъ событій. Внѣшнее его могущество растетъ въ изумительныхъ размѣрахъ; внутри государство строится и крѣпнетъ, — войско и флотъ созидаются, какъ бы чудомъ, умножаются финансы, распространяется образованіе, является литература, на всѣхъ поприщахъ выдвигаются талантливые люди, прославляющіе русское имя. Но историческій ходъ остался тотъ же. Какъ прежде правительство было исходною точкою всѣхъ общественныхъ учрежденій, всѣхъ мѣръ для порядка и благоустройства, такъ и теперь оно стало во главѣ новаго движенія, во главѣ образованія.

Насильственно заставляло оно Русскихъ учиться грамотѣ, насильственно насаждало на дѣвственной почвѣ науку, искуство, промышленность, новые нравы и обычаи. Впрочемъ и здѣсь оказалось, какъ легко русскій человѣкъ подчиняется чужому вліянію: разъ отдѣлавшись отъ старинныхъ предразсудковъ, перешедши на иную колею, онъ совершенно поработился новому направленію, отрѣкся отъ самаго себя, заимствовалъ чужой языкъ и обычаи, офранцузился и съ остервѣненіемъ преслѣдовалъ все родное, все что прежде считалось святыней. Съ одной стороны низшій классъ, въ который не проникла реформа, остался при упорномъ отрицаніи иностраннаго; съ другой стороны, высшее сословіе предалось безсмысленному отрицанію всего русскаго, и разумѣется, при своемъ младенческомъ развитіи оно переняло сначала одни внѣшнія формы жизни, и потомъ уже стало мало по малу вникать въ разумное ея содержаніе.

Этого бѣглаго взгляда на русскую исторію достаточно чтобы показать, что правительство всегда стояло у насъ во главѣ развитія и движенія. При пассивномъ своемъ характерѣ, рус-

скій народъ не въ состояніи былъ собственными силами, безъ принужденія выработать изъ себя многообразныя формы жизни. Правительство вело его за руку, — и онъ слѣпо повиновался своему путеводителю. Потому нѣтъ въ Европѣ народа, у котораго бы правительство было сильнѣе, нежели у насъ. Впродолженіе всей исторіи оно не встрѣчало себѣ въ народѣ опасныхъ преградъ. Оно должно было бороться болѣе съ невѣжествомъ, съ тупостью, съ вѣковыми и закоренѣлыми обычаями, нежели съ дѣятельнымъ и энергическимъ сопротивленіемъ. Враги его были крамольные бояре, разгульные казаки, невѣжественные поклонники старины. Но бояре не имѣли корня въ народѣ, и могли противопоставить царямъ только тайныя козни, да мѣстническіе счеты; съ казаками легко было сдраться при учрежденіи постояннаго войска, а поклонники старины могли дѣйствовать только — тупымъ и безмолвнымъ сопротивленіемъ, а отнюдь не открытою силою. Вольныхъ городовъ у насъ было мало; съ однимъ изъ нихъ борьба была непродолжительна, а другой покорился безпрекословно. Правительственной дѣятельно-

сти мѣшали не столько отдѣльные, замкнутые центры и союзы, сколько отсутствіе прочныхъ общественныхъ связей, всеобщее неустройство и огромныя пространства, препятствовавшія расширенію дѣйствія центральной власти. Но чѣмъ болѣе эти препятствія исчезали, тѣмъ болѣе возвышалось значеніе правительства. Съ возрастаніемъ народонаселенія, съ установленіемъ прочныхъ общественныхъ отношеній, съ развитіемъ государственнаго организма, съ умноженіемъ правительственныхъ средствъ, преграды падали сами собою, и правительство дѣлалось сильнѣе и сильнѣе. Въ настоящее время оно обладаетъ такою силою, какой никогда не имѣло: огромное войско, покорное единому его мановенію, огромная бюрократія, которая распространяется по всѣмъ концамъ русской земли, и всюду приводитъ въ исполненіе исходящія изъ центра мѣры и распоряженія, всеобщая безропотная покорность, къ которой пріучали насъ вѣка прошедшей исторіи,—все это дѣлаетъ власть правительства безграничною и безусловною. Всякое прекословіе тотчасъ заглушается, всякій ропотъ тотчасъ подавляется,

всякая прихоть тотчасъ можетъ быть приведена въ исполненіе въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ имперіи.

Но эта сила именно и составляетъ слабость правительства. Нѣтъ въ политикѣ болѣе положительной аксіомы, какъ то, что правительство никогда не должно слишкомъ упорно дѣйствовать въ своемъ смыслѣ. Все политическое искусство есть ничто иное, какъ система безпрерывныхъ сдѣлокъ. Оно состоитъ въ умѣніи согласить разнородныя требованія и интересы, живущіе въ обществѣ, удовлетворить каждый изъ нихъ, на сколько дозволяютъ другіе, и такимъ образомъ установляя всеобщее единеніе, подчинять ихъ верховной правительственной цѣли, которая есть благо совокупнаго общества. Только такая примирительная дѣятельность даетъ правительству истинную силу, ибо тогда оно находитъ опору вездѣ. Каждый общественный интересъ, получивъ законность, тѣмъ самымъ привязывается къ общему законному порядку, и примыкаетъ къ правительству. Если же оно, имѣя въ виду только себя, упорно идетъ по одному направленію, и пренебрегаетъ всѣмъ остальнымъ, оно неизбѣжно доходитъ до край-

ности, отрывается отъ народа, возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе и подкапываетъ собственное основаніе, стараясь сдѣлать его слишкомъ крѣпкимъ и прочнымъ. По видимому оно дѣлается сильнѣе, но въ сущности оно становится слабѣе, ибо сила его потеряла внутреннюю свою опору.

Таковъ неизбѣжный законъ, который должно имѣть въ виду при правленіи всякаго политическаго тѣла. Но если вообще каждый общественный интересъ, каждая существенная потребность должны получить законное мѣсто, то тѣмъ болѣе нельзя пренебрегать совокупностью потребностей и интересовъ, составляющихъ народную жизнь. Правительство и народъ — это два основные элемента, изъ которыхъ слагается общество. Каждый имѣетъ свое назначеніе, и каждый долженъ имѣть надлежащую самостоятельность. Народъ составляетъ государственное тѣло, а правительство есть глава и распорядитель. Первый живетъ и дѣйствуетъ, рождаетъ изъ себя разнообразныя стремленія, потребности, интересы; второе все это разнообразіе сводитъ къ единству, устанавливаетъ въ обществѣ согласіе, препятствуетъ личнымъ цѣ-

лямъ вредитъ другъ другу, способствуетъ ихъ развитію, наконецъ побуждаетъ народъ къ тому что необходимо для блага совокупнаго цѣлаго. Но это единство не должно развиваться на счетъ разнообразія. Правительственная дѣятельность не должна уничтожать самостоятельности народа, ибо самостоятельность есть необходимое условіе жизни. Разумѣется, власть не можетъ позволить различнымъ интересамъ возставать другъ на друга и дѣйствовать открытою силою, ибо это было бы узаконеніе анархіи, но имѣть и высказывать мнѣнія и требованія отличныя отъ мнѣній и требованій правительства — это законное право народа, безъ котораго онъ лишается всякой самостоятельности и всякаго общественнаго значенія. Каждый общественный интересъ, — вокругъ котораго группируются отдѣльныя лица, долженъ жить и развиваться самобытно, согласно съ законами внутренней своей природы, а не по мѣркѣ, данной извнѣ. Но для этого ему необходимо свободно высказывать свои потребности и свое отношеніе къ установленному правительствомъ порядку. Тогда только онъ получитъ правильный ходъ и настоящее значеніе въ народной

жизни. Выставить же извѣстную норму правительственныхъ цѣлей и убѣжденій и все гнуть подъ нее, уничтожая всякое отклоненіе; сдѣлать народъ безгласнымъ и безмолвнымъ передъ своимъ правительствомъ, значитъ убить въ немъ всякую жизнь и уничтожить одинъ изъ основныхъ элементовъ общества. Такое поглощеніе народной дѣятельности правительствомъ есть подавленіе разнообразія въ пользу единства; замѣненіе живаго организма мертвой машиною; поставленіе внѣшней формы на мѣсто внутренняго развитія силъ. Ибо правительство, подавивши народную жизнь, необходимо становится одной внѣшней формою и мертвой машиною. Только изъ народа оно черпаетъ и духъ и силу и жизнь. Народъ живетъ какъ самобытная цѣль и для него установляется и самое правительство, которое не имѣетъ другаго значенія, какъ содѣйствовать народному благу. Народъ есть самое общество, для пользы котораго и существуютъ всѣ государственныя учрежденія. Какимъ же образомъ лишить его участія въ собственномъ дѣлѣ?

Очевидно, что это противно всякому здравому политическому смыслу. Оба элемента должны

существовать рядомъ, дополняя другъ друга и совокупными силами стремясь къ достиженію единой общественной цѣли. Потому преобладаніе того или другаго никогда не обходится даромъ. Какъ скоро одинъ изъ нихъ возметъ слишкомъ сильный перевѣсъ надъ другимъ, такъ немедленно въ обществѣ чувствуется разладъ; является потребность реакціи и начинается обратный ходъ исторіи для возстановленія необходимаго равновѣсія. Въ этомъ взаимномъ дѣйствіи обоихъ государственныхъ элементовъ, въ этомъ вѣчномъ стремленіи къ равновѣсію состоитъ вся политическая жизнь государствъ. Ихъ исторія представляетъ намъ назидательное зрѣлище, которое должны изучать всѣ управляющіе судьбами народовъ, ибо одно близорукое невниманіе къ настоящему ведетъ ихъ къ пагубнымъ заблужденіямъ. При такомъ узкомъ взглядѣ на вещи, минутныя стремленія кажутся необходимыми условіями жизни и наоборотъ великія историческія явленія, развивающіяся впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ, кажутся временными заблужденіями ума человѣческаго. Только изученіе прошедшаго — дастъ намъ ключъ къ уразумѣнію настоящаго, а вмѣстѣ и возмож-

ность презрѣвать будущее. Посмотримъ же, что открываетъ великая учительница внимающимъ ея голосу.

Если обратимся къ началу исторіи современныхъ обществъ, — къ тому времени, когда вышедши изъ первобытнаго патріархальнаго состоянія, они стали жить историческою жизнью, мы увидимъ почти исключительное господство народнаго элемента. Въ средніе вѣка государство не существовало, правительственная сила была совершенно ничтожна, всѣ общественныя отношенія въ высочайшей степени шатки и измѣнчивы. Но самая эта крайность должна была возбудить болѣе потребности. Лишенный власти, народъ представляетъ хаотическую массу, преданную господству необузданнаго произвола. Вмѣсто отношеній, основанныхъ на взаимной пользѣ и справедливости, установляется право сильнаго, и большинство попирается подъ ногами немногихъ могучихъ личностей. Возгораются безпрерывныя междоусобія и господствуетъ анархія, повсемѣстная и нестерпимая. Отсюда необходимость обратнаго движенія исторія для установленія власти, водворяющей порядокъ и тишину. Стремленіе

выдти изъ безпрерывныхъ смутъ, образуетъ реакцію противъ буйныхъ и анархическихъ силъ. Возникаетъ государство и существенной задачею жизни дѣлается постепенное развитіе и усиленіе недостающаго общественнаго элемента — правительства. Тогда общество выходитъ изъ анархическаго состоянія, установляется порядокъ, устроивается государственное управленіе, умножаются правительственныя средства, созидается могущество политическаго тѣла. Народный элементъ болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ, а правительство напротивъ того все усиливается.

Но и это управленіе доходитъ наконецъ до крайности. Правительство, привыкши постоянно дѣйствовать въ своемъ смыслѣ, начинаетъ считать себя единственнымъ представителемъ общества и упускаетъ изъ виду другой существенный его элементъ. Народъ совершенно устраняется отъ участія въ общественномъ дѣлѣ. Всякое прекословіе подавляется и голосъ правительства одинъ раздается среди всеобщаго молчанія. Тогда въ обществѣ опять начинаетъ ощущаться разладъ; опять чувствуется, что есть какой то важный недостатокъ, что полнота жи-

зни исчезла, что изъ нея выбыло нѣчто существенное. Все тогда идетъ на выворотъ. Какія бы ни принимались мѣры, они всѣ остаются безполезны, ибо между законодательствомъ и исполненіемъ цѣлая пропасть. Правительство въ сущности становится безсильнымъ, а въ народѣ все болѣе возрастаетъ неудовольствіе.

Въ такомъ положеніи находимся мы теперь. Съ XV вѣка развивается у насъ государство, и правительственная дѣятельность все усиливается; но только въ наше время достигла она нестерпимой крайности. Въ московской Россіи народная жизнь далеко не была такъ стѣснена, какъ теперь. Тогда въ обществѣ и въ управленіи господствовала еще такая неурядица, что правительственная власть была связана по рукамъ и ногамъ. При каждомъ движеніи она чувствовала свое безсиліе. Она ничего не могла ни узнать, ни привести въ исполненіе безъ содѣйствія народа и принуждена была постоянно сзывать земскія думы для совѣщанія объ устройствѣ общественныхъ дѣлъ. Отдѣльнымъ лицамъ легко было избавиться не только отъ притѣснительной власти, но даже отъ законныхъ обязанностей. Они просто уходили на

другія мѣста и при существующемъ безпорядкѣ не возможно было ни преслѣдовать ихъ, ни найдти. Такой же свободою нерѣдко пользовались и цѣлыя общины; если какому нибудь городу или селу слишкомъ тяжела становилась власть назначеннаго государствомъ правители, они тотчасъ посылали въ Москву деньги, и выхлопатывали себѣ льготныя граматы, освобождавшія ихъ отъ тягостнаго управленія. Случалось даже, что подчиненные самовольно смѣняли своихъ начальниковъ, и это считалось ни почемъ. Правительство было такъ отдаленно и безсильно, что не могло удовлетворять справедливымъ жалобамъ, и должно было допускать всякаго рода своеволія и безпорядки.

Все это однакоже прекратилось съ преобразованіями Петра Великаго. Государство устроилось и перестало терпѣть, какъ своевольныя дѣйствія подданныхъ, такъ и исключенія изъ общаго порядка управленія. Но правительственный элементъ все еще не получилъ такаго преобладанія, которое бы сдѣлало его слишкомъ стѣснительнымъ для народа. Вниманіе правительства было обращено на общія государственныя дѣла; оно устроивало войско, флотъ, про-

буждало промышленность, насаждало образованіе. Граждане несли трудныя обязанности, необходимыя для величія Россіи, но въ ежедневную жизнь ихъ правительство не проникало. Они не сталкивались безпрестанно съ какимъ нибудь административнымъ органомъ, поставленнымъ для надзора за каждымъ ихъ дѣйствіемъ. Все сосредоточивалось около центра, а въ провинціяхъ жили себѣ привольно, мало заботясь о власти. Правительство представлялось какъ нѣчто дальнее и славное, возвышающее могущество Россіи и высоко поднимающее отечественное знамя. Русскіе видѣли на престолѣ геніальную дѣятельность Петра, либеральную мудрость Екатерины, и любили престолъ, какъ источникъ славы и добра для отечества.

Но въ XIX вѣкѣ все это измѣнилось. Вѣковой процесъ государственной организаціи наконецъ совершился: управленіе, постепенно расширяясь отъ корня, какъ дерево, пустило свои вѣтви по всѣмъ областямъ, а централизація увѣнчала все зданіе и сдѣлала его покорнымъ орудіемъ единой воли. Образовалась бюрократическая машина, по которой правительственная струя

безпрепятственно течетъ отъ центра къ оконечностямъ и возвращается отъ оконечностей къ центру. Тогда уже подданные увидѣли власть близь себя, лицемъ къ лицу. Администрація охватила насъ со всѣхъ сторонъ, и чѣмъ болѣе она расширялась и развѣтвлялась, тѣмъ болѣе стѣснялась народная дѣятельность. Правительство сдѣлалось всеобъемлющимъ, господствующимъ всюду, проникающимъ всюду, а народъ все болѣе блѣднѣлъ и исчезалъ передъ нимъ. Въ настоящее время нельзя уже сдѣлать ни шага, чтобы не натолкнуться на какое нибудь правительственное лице, чтобы не увидать передъ собою начальника, распорядителя и надзирателя. На каждой улицѣ встрѣтишь квартальнаго или жандарма; на проселочной дорогѣ, прежде не видавшей чиновнаго мундира, теперь звенитъ колокольчикъ становаго пристава. И все это не обходится даромъ. Ибо подданный безсиленъ и безгласенъ передъ малѣйшимъ чиновникомъ, который является намъ, не какъ защитникъ и покровитель, а какъ лице совершенно чуждое и притомъ весьма скверное. Узко и тѣсно стало намъ въ административныхъ пеленкахъ обвивающихъ насъ со

всѣхъ сторонъ и съ каждымъ днемъ мы чувствуемъ болѣе и болѣе, что изъ жизни выбыло нѣчто существенное.

Между тѣмъ это страшное преобладаніе правительства въ государствѣ еще болѣе усилилось вслѣдствіе принятой имъ ложной системы управленія. Внутренній ходъ исторіи, безропотная покорность народа развили въ немъ до крайности самовластіе и самоувѣренность, а консервативная система, заимствованная у австрійскаго двора все это узаконила и превратила въ теоретическое убѣжденіе. Она внушила ему мысль, что кромѣ него не должно существовать въ государствѣ другаго общественнаго элемента, что всякое самостоятельное проявленіе жизни есть беззаконіе, ведущее къ смутамъ и революціямъ, что правительство, желающее сохранить себя должно подавлять въ народѣ всякое движеніе и всякую жизнь.

Не трудно было осуществить у насъ такую систему. Препятствій никакихъ не было, нужно было только идти все далѣе по тому же пути, не озираясь кругомъ и ни на что не обращая вниманія. Все что требовалось для водворенія прочнаго порядка, это то, чтобы правительство

отказалось отъ нѣкоторыхъ заблужденій, проистекавшихъ отъ излишняго вниманія къ народному благу. Оно заботилось о пробужденіи мысли въ народѣ, о распространеніи просвѣщенія; но ему объяснили, что просвѣщеніе зарождаетъ либерализмъ и невѣріе, — что образованный народъ непремѣнно хочетъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и затѣваетъ революціи, когда правительство запрещаетъ такіе вредные замыслы. Все это, разумѣется, было подкрѣплено очевидными примѣрами, и правительство, сдаваясь на такія убѣдительныя доказательства, отрѣклось отъ прежняго своего дѣла. Собственно говоря, его и нельзя было продолжать при дальнѣйшемъ шествіи по прежнему пути. Общественное благо, мысль, просвѣщеніе совмѣстны только съ извѣстной степенью развитія правительственнаго элемента. Всѣ эти интересы живутъ въ народѣ, и требуютъ нѣкоторой самостоятельности, а какъ скоро эта самостоятельность подавляется, такъ они становятся правительству чуждыми и противными. Нужно только перейдти за извѣстную границу, отойдти подальше отъ народа, и они представляются совершенно

и спокойно! И въ самомъ дѣлѣ, все дѣлается гладкимъ и спокойнымъ до невѣроятности. — Самыя возмутительныя злоупотребленія тщательно скрываются, вопіющія жалобы не допускаются до царскаго слуха; все обдѣлывается, обглаживается и представляется въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, что заглядѣніе. Истина преслѣдуется неумолимо, ибо она обличаетъ и царей и царедворцевъ. Тройная преграда знатныхъ сановниковъ заслоняетъ ее отъ престола, и правительство остается въ совершенномъ невѣденіи о томъ, что думаетъ и что дѣлаетъ Россія. Среди придворнаго раболѣпства престолъ стоитъ одинокъ и народъ перестаетъ считать его святынею, къ которой бы онъ обращался съ довѣріемъ и любовью.

Само правительство чувствуетъ отчужденіе отъ народа, или лучше сказать, оно это отчужденіе считаетъ необходимымъ правиломъ политики. Охранительная система возвѣщаетъ, что народъ опасенъ, что въ немъ всегда таятся революціонныя мысли, и что правительство должно искать опоры не въ любви его, а въ огромномъ количествѣ войска, могущемъ сдерживать всякое движеніе. Дѣйствительно, согласъ-

но съ этими началами, правительство стало умножать войско до чрезвычайности, и устремило на него главное вниманіе. Войско сдѣлалось образцомъ для всего государственнаго управленія; все должно было идти на военный ладъ. Военная дисциплина сдѣлалась основнымъ государственнымъ началомъ; оно проводилось всюду — и на службѣ, и въ частныхъ отношеніяхъ и въ общественномъ воспитаніи. Невѣжественныхъ генераловъ поставили попечителями университетовъ; въ учебныя заведенія стали вводить военный строй и ученіе.

Но въ сущности такое огромное войско было вовсе не нужно. О внѣшней войнѣ никто и не думалъ, а внутри всѣ и безъ того повиновались охотно. По этому оно само собою обратилось въ игрушку. Вмѣсто того, чтобы заботиться объ улучшеніи его состоянія, о матеріальныхъ его средствахъ, о духѣ солдатъ, объ образованіи офицеровъ, правительство обратило преимущественно вниманіе на внѣшнюю сторону. Смотры, парады, маневры служили ему забавой; все дѣло состояло въ изящномъ обмундированіи, въ красивыхъ эволюціяхъ, а когда наконецъ вслѣдствіе опрометчивости грянула на насъ

война, какъ снѣгъ на голову, когда явилась истинная потребность въ войскѣ, тогда во всемъ оказался недостатокъ. Непріятель вторгся въ предѣлы Россіи, и русское правительство не могло противопоставить ему равнаго количества силъ. У него нѣтъ ни достаточно матеріальныхъ средствъ, ни способныхъ генераловъ. Безпрестанные рекрутскіе наборы истощаютъ народъ, а рекруты отъ плохого содержанія мрутъ тысячами безъ пользы для государства. Гвардія бережется вдали отъ театра войны, а въ Крымъ посылаются ополченія, наскоро набранныя и вовсе негодныя для военнаго дѣла.

Тѣже недостатки ощущаются и въ гражданскомъ управленіи. Цѣль правительства состояла въ томъ, чтобы превратить его въ машину, которая бы всегда дѣйствовала одинаково, какъ покорное орудіе центральной власти. Внѣшняя дисциплина, основанная на чинопочитаніи, должна была всѣхъ содержать въ повиновеніи, а бюрократическая рутина, идущая сверху до низу неизмѣннымъ порядкомъ, должна была замѣнить способныхъ людей, которыхъ самостоятельность и убѣжденія могли не согласоваться съ правительственной волею. — Цѣль

дѣйствительно была достигнута. Машина существуетъ, порядокъ дѣлопроизводства, формы письменности доведены до тончайшихъ оттѣнковъ, чиновная дисциплина наблюдается, никъ нельзя больше, но духа въ этой машинѣ нѣтъ, и для общественнаго дѣла она не годится. Чинопочитаніе ведетъ къ тому, что каждый чиновникъ имѣетъ въ виду не общественное благо, не приведеніе своей части въ наилучшее положеніе, а единственно благосклонность начальника. Служеніе государству превратилось въ служеніе начальникамъ. Вмѣсто способностей и рвенія на пользу отечества, вездѣ на первомъ планѣ стоятъ отношенія личныя, ибо начиная отъ высшихъ сановниковъ государства и сходя до самаго мелкаго чиновника, каждый можетъ выиграть гораздо болѣе личнымъ угожденіемъ, нежели исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Съ другой стороны бюрократическая рутина повела къ страшному умноженію письменности, которая стала на мѣсто настоящаго дѣла. Исполнить дѣло, значитъ отписаться, показать что нибудь на бумагѣ, значитъ доставить свѣдѣніе; и высшее правительство должно этимъ довольствоваться и считать эти свѣдѣнія

совершенно справедливыми, — ибо других средств получить их оно не имѣет. Как съ одной стороны кругъ высших сановников заслоняет собою и замѣняет общественное мнѣніе, так съ другой стороны бюрократическая письменность заслоняет собою и замѣняет пониманіе настоящаго положенія вещей.

Отсюда проистекает одно изъ величайших золъ, которыми страдает Россія. Это господствующая всюду оффиціальная ложь. Можно безъ преувеличенія сказать, что всякое оффиціальное изъявленіе ничто иное, как ложь. Всѣ отчеты и донесенія высших государственных сановников суть ложь, всѣ отчеты и донесенія губернаторов и других областных властей суть ложь, всѣ статистическія свѣдѣнія суть ложь, всѣ увѣренія въ преданности и любви суть ложь, всѣ публичные акты для оказанія почтенія высшимъ сановникамъ, как напр. подписки съ разрѣшенія правительства, суть ложь; наконецъ даже большая часть патріотических изъявленій ничто иное как чистая ложь. Видѣли же мы патріотическія пожертвованія, изъ которых девять-десятых были вынуждены силою. Видѣли же мы и знаменитые адресы

дворянства, въ которыхъ оно увѣряло правительство въ своей готовности все принести въ жертву за царя и отечество; а между тѣмъ, когда дѣло дошло до выборовъ въ ополченіе, то каждый старался по возможности уклониться отъ этой чести. Такъ священнѣйшія чувства человѣка при господствѣ ложной системы управленія превращаются въ возмутительную лесть и въ раболѣпный страхъ передъ начальствомъ. Да и можетъ ли быть иначе? Когда всѣ должны безмолвно преклониться передъ властью, кто осмѣлится сказать правду? Только свободное общественное мнѣніе въ состояніи контролировать увѣренія чиновныхъ лицъ, которыхъ личная выгода всегда заставляетъ льстить правительству. Когда же общественное мнѣніе подавляется всѣми возможными средствами, когда заставляютъ молчать каждаго, кто осмѣлится идти въ разладъ съ раболѣпнымъ хоромъ оффиціальныхъ похвалъ и увѣреній, тогда ложь необходимо вкрадывается во всѣ общественныя отношенія. Правительство лишается возможности узнать состояніе народа и надзирать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ, а народъ

теряетъ всякую довѣренность къ своему правительству.

Другое не менѣе важное зло, проистекающее изъ существующаго порядка вещей, есть всеобщее развращеніе чиновниковъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Злоупотребленія составляютъ нормальное положеніе нашей администраціи. Для закона, какъ сказано, достаточно исполненіе на бумагѣ, а какъ онъ исполняется на дѣлѣ, это остается для правительства тайною. Пользуясь этимъ, правители позволяютъ себѣ все, что имъ угодно. Они знаютъ, что вопль угнетенныхъ никогда не достигнетъ до престола, и что они у самаго его подножія найдутъ себѣ могучихъ покровителей. Такимъ образомъ власть имъ врученная, дѣлается орудіемъ притѣсненія; законъ, который долженъ быть защитою народа, служитъ только средствомъ для обогащенія чиновниковъ. Всякою правительственною мѣрою, всякимъ столкновеніемъ съ подвластными имъ лицами они пользуются для вымоганія изъ нихъ денегъ. И подданные остаются беззащитны и безотвѣтны передъ начальникомъ, ибо они ничѣмъ не

ограждены отъ административнаго произвола, и самыя жалобы считаются нарушеніемъ дисциплины. Что же касается до высшихъ сановниковъ государства, которыхъ обязанность надзирать за низшими исполнителями закона и преслѣдовать злоупотребленія, то они напротивъ того, стараются по возможности скрывать ихъ. Съ одной стороны желаніе угодить правительству заставляетъ ихъ все представлять въ наилучшемъ свѣтѣ; съ другой стороны угожденія подчиненныхъ побуждаетъ ихъ потакать своимъ креатурамъ и своею властью прикрывать ихъ беззаконія. Наконецъ многіе изъ нихъ и сами не чуждаются неправедныхъ прибытковъ. Для удобства они берутъ деньги съ подчиненныхъ, продавая мѣста и взимая съ нихъ ежегодный оброкъ; а послѣдніе въ свою очередь берутъ съ своихъ подчиненныхъ и т. д., пока наконецъ поддонные не выжимаютъ изъ своихъ карманокъ неположеннаго закономъ жалованья, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновниковъ.

А priori можно бы подумать, что управленіе установляется для пользы управляемыхъ, но на дѣлѣ выходитъ, что оно существуетъ только для пользы правителей, образующихъ бюрократи-

чески организованную корпорацію, основанную на взаимной помощи при грабительствѣ и угнетеніи подвластныхъ имъ лицъ.

Разумѣется, благородному и способному человѣку трудно подчиниться такой системѣ, гдѣ онъ превращается въ машину для письмоводства или въ колесо гидравлическаго пресса, устроеннаго для выжиманія изъ народа всѣхъ жизненныхъ силъ и средствъ. За то благородному и способному человѣку и не даютъ хода, кромѣ развѣ особыхъ случаевъ, гдѣ онъ пользуется личнымъ покровительствомъ важнаго сановника. Отсюда третье господствующее зло — всеобщая неспособность правителей. Настоящія трудныя обстоятельства открыли, какъ мало въ нашемъ правительствѣ людей съ знаніемъ дѣла и съ талантомъ. Немногіе, которые показались, находились или въ низшихъ чинахъ или вдали отъ центральной сферы, развращающей всякаго, кто войдетъ въ этотъ заколдованный кругъ. Неспособность есть какъ бы патентъ на полученіе значительной должности. Неспособный человѣкъ не имѣетъ большею частью ни самостоятельнаго характера, непріятнаго власти, ни убѣжденій, несогласующихся съ правитель-

ственной системой. Онъ на все согласенъ, и служитъ самымъ безмолвнымъ и покорнымъ орудіемъ для исполненія на бумагѣ высочайшихъ приказовъ. Ему можно поручить цѣлое министерство, и все пойдетъ своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Нужно только, чтобы при немъ былъ человѣкъ посвященный въ тайны бюрократической рутины, и умѣющій дать дѣлу ловкій оборотъ, такъ чтобы интереы высшихъ сановниковъ не пришли въ столкновеніе. Послѣдняго рода люди составляютъ дѣловую часть администраціи, между тѣмъ, какъ правительственная и распорядительная часть состоитъ изъ тѣхъ, у которыхъ придворный тактъ замѣняетъ государственныя соображенія.

Мудрено ли послѣ этаго, что наше законодательство остановилось на одной точкѣ, и что самые настоятельные административные и общественные вопросы остаются безъ разрѣшенія? У насъ есть сепатъ, остатокъ прежнихъ учрежденій, который вовсе не клеится съ новѣйшими. У него давно слѣдовало бы отнять это множество разнородныхъ и ни на что не нужныхъ предметовъ вѣдомства, и напротивъ возвысить его существенное значеніе, какъ

верховнаго судебнаго мѣста въ государствѣ. А между тѣмъ въ него сажаютъ всѣхъ сановниковъ, которые даже въ нашей администраціи оказываются неспособными и верховный судъ становится ссылочнымъ мѣстомъ для стариковъ и идіотовъ. У насъ есть система судопроизводства, которая никого не ограждаетъ, и безконечными справками тянетъ дѣла на цѣлые десятки лѣтъ. У насъ финансовая система, которая всею тяжестью лежитъ на низшихъ сословіяхъ, и представляетъ образецъ несправедливости и неумѣнія пользоваться государственными средствами. У насъ наконецъ до сихъ поръ существуетъ крѣпостное состояніе, эта язва поглощающая цѣлую треть лучшихъ силъ Россіи. И правосудіе и государственная польза давно требуетъ его уничтоженія. Беззаконность и вредъ его такъ велики, что видаются въ глаза даже охранительному правительству. Оно чувствуетъ всю его несообразность и хотѣло бы помочь злу, да не умѣетъ приняться за дѣло. Вообще законодательство бродитъ въ какомъ то чаду. Поминутно издаются новые законы, такъ что десятилѣтнія дополненія къ своду чуть ли не превышаютъ его своимъ

объемомъ, а между тѣмъ во всѣхъ этихъ законахъ нѣтъ ни одного, который бы принесъ истинную пользу государству, который бы могъ залечить одну изъ живыхъ ранъ современнаго быта. Все ограничивается отдѣльными распоряженіями и полумѣрами, которыя обыкновенно противурѣчатъ другъ другу, которыя сегодня издаются, а завтра отмѣняются или остаются безъ исполненія. Законодательство превращается въ хаосъ среди робкихъ, продажныхъ и неспособныхъ рукъ, которымъ оно вѣрено. Нѣтъ въ правительствѣ никого, кто бы могъ указать на истинныя начала, на существенныя потребности народа, а если кто и могъ бы это сдѣлать, тотъ молчитъ, чтобы раболѣпнымъ и безмолвнымъ повиновеніемъ купить себѣ царскую милость.

Таковы послѣдствія, — которыя ничѣмъ для управленія крайнее развитіе правительственнаго начала. Очевидно, что такой порядокъ вещей не могъ не отразиться и на народѣ. Главная задача охранительной системы была, какъ сказано, подавить въ немъ всякое движеніе и убить всякую самостоятельность. Цѣль при этомъ была благая : уничтоженіемъ оппозиціи

правительство хотѣло избѣгнуть внутреннихъ раздоровъ и сохранить единеніе съ народомъ. Но къ несчастію средство вовсе не соотвѣтствовало цѣли. Единеніе значитъ согласіе, а согласіе установляется не уничтоженіемъ одной изъ сторонъ. Если бы народъ можно было совершенно вычеркнуть изъ общественной жизни или превратить въ безсловесную машину, то охранительная система была бы неукоризненно вѣрна. Но къ счастію этого сдѣлать нельзя. Народъ не сотрешь съ лица земли, и если ему запрещаютъ говорить, если хотятъ согласіе установить силою, онъ въ тайнѣ отходитъ отъ правительства и отказываетъ ему въ содѣйствіи.

Такъ у насъ и случилось. Казалось бы, чего легче, какъ поддержать союзъ, скрѣпленный вѣками, и привязать къ себѣ народъ, привыкшій къ слѣпому повиновенію? Но безсмысліе охранительной системы было довольно велико, чтобы поколебать и эту вѣковую преданность. Сдѣлавшись консервативнымъ, правительство стало безпощадно преслѣдовать всякое самостоятельное проявленіе жизни, а между тѣмъ имъ же пробужденная мысль народа все крѣпла и мужала и требовала себѣ болѣе простора. Самое

крайнее развитіе правительственной организаціи — рождало потребность большей свободы народа. Пока власть была далека, можно было и не вмѣшиваться въ ея дѣла, можно было терпѣть нарѣдка являющійся произволъ. Но когда правительственная дѣятельность проникла во всѣ поры общественнаго тѣла, тогда уже отсутствіе политической мысли стало невозможнымъ, а законное огражденіе отъ административнаго произвола сдѣлалось необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли не осуждать дѣйствій власти, которую безпрестанно видишь около себя! Можно ли терпѣть притѣсненія и злоупотребленія, на которыя наталкиваешься на каждомъ шагу? Теперь для насъ свобода общественнаго мнѣнія — обличающаго недостатки законодательства и злоупотребленія правителей сдѣлалось насущностью, необходимостью, а между тѣмъ она все болѣе и болѣе стѣснялась. Отсюда разладъ между правительственными цѣлями и народными потребностями, отсюда разрывъ вѣковаго союза.

Это отчужденіе народа отъ правительства чувствуется во всѣхъ общественныхъ сферахъ. Все, что есть въ государствѣ людей мыслящихъ

и просвѣщенными убѣдилось, что между ними и правительствомъ нѣтъ болѣе ничего общаго. Имъ нужны движеніе мысли, просвѣщенная и свободная дѣятельность ума, а все это подавляется всѣми возможными средствами. Поневолѣ они должны были отшатнуться отъ власти, оскорбляющей всѣ основныя ихъ вѣрованія и убѣжденія. Для низшихъ же классовъ народа правительство является какъ притѣснительная система администраціи, охватывающей ихъ со всѣхъ сторонъ и лежащей на нихъ всею своею тяжестью. Нѣтъ хижины, нѣтъ угла въ русскомъ государствѣ, куда бы ни протягивалась ея грязная рука, и гдѣ бы она ни побывала, никогда она не отойдетъ пустая, чего бы она ни коснулась, всюду слышится стонъ угнетеннаго. Для низшихъ классовъ правительство олицетворяется въ словѣ: казна — слово губительное и ужасное. Это въ глазахъ народа чудовище, поглощающее деньги и высасывающее кровь бѣдныхъ гражданъ. Казна есть естественный врагъ частныхъ людей. Не обращая вниманія ни на какія справедливыя требованія и жалобы, она стремится только къ тому, чтобы выжать изъ плательщиковъ какъ можно болѣе денегъ, и

подданные съ своей стороны не считаютъ предосудительнымъ грабить и обманывать казну, когда могутъ дѣлать это безнаказанно. Имъ и въ голову не приходитъ, что она установлена для собственной же ихъ пользы. Интересы ихъ такъ далеко разошлись, что они скорѣе похожи на двѣ противоположныя партіи, которыя при внѣшнихъ увѣреніяхъ во взаимной любви и уваженіи, втайнѣ стараются надѣлать другъ другу какъ можно болѣе пакостей.

За то какъ умилительны оффиціальныя изъявленія преданности и покорности! Какъ толпится народъ на всѣхъ церемоніяхъ! Какъ расписываютъ продажные и раболѣпные писатели любовь русскаго народа къ установленнымъ властямъ и блаженство, которымъ онъ наслаждается подъ благословеннымъ правленіемъ самодержавныхъ монарховъ! Оффиціально всѣ невѣроятно счастливы, но если поднять эту лживую занавѣску, сколь различно будетъ зрѣлище, которое представится нашимъ глазамъ! Рѣдко приходится частному лицу встрѣтить человѣка довольнаго настоящимъ положеніемъ Россіи. Вездѣ слышишь одни только безпрестанныя жалобы на притѣсненія и злоупотре-

бленія. — Это тема для всѣхъ разговоровъ о государственныхъ дѣлахъ; это безчисленные разсказы, которые носятся всюду, которые раздаются и въ столицахъ и въ областяхъ, и въ общественныхъ собраніяхъ и около домашняго очага. На нихъ воспитываются молодыя поколѣнія, которымъ съ ранняго возраста внушаютъ страхъ правительства и отчужденіе отъ законнаго порядка вещей. Подъ этимъ вліяніемъ развивается новый общественный бытъ, полный горечи и недовѣрчивости. Онъ замѣнилъ собою прежніе патріархальные нравы беззаботные и покойные, прежнюю жизнь на распашку, столь свойственную русскому народу. Страшно преобразовалось русское общество въ новѣйшее время! Все что отцы наши любили и чему они поклонялись, стало для насъ чудомъ. Насильственно выбили изъ насъ и любовь къ престолу и довѣріе къ правительству. У насъ нѣтъ воспоминаній, которыя составляли отраду стариковъ. Даже отечество потеряло для насъ свою прелесть, ибо въ общественной жизни мы видимъ одни только явленія, возмущающія душу и оскорбляющія всѣ благородныя стремленія человѣка. Громко никто не смѣетъ

сказать слово, но втайнѣ всѣ ропщутъ и негодуютъ.

Каждый понимаетъ однако, что ропотъ и негодованіе ни къ чему не ведутъ. Дѣятельная оппозиція, а тѣмъ болѣе революціонныя движенія вовсе не въ нашемъ характерѣ. Мы для этого слишкомъ мягки, уступчивы и покорны. Вся наша исторія клонилась къ тому, чтобы правительство сдѣлать сильнымъ, и передъ этой силою мы уничтожаемся. Мы знаемъ, что правительство все, а мы ничего, и не видимъ никакого исхода изъ этого положенія. Всѣ недовольны, но всѣ понимаютъ, что неудовольствію помочь нельзя, и успокоиваются на этомъ безнадежномъ состояніи. Отсюда всеобщее равнодушіе къ общественному дѣлу. Каждый видитъ, что онъ ничего не можетъ для пользы отечества, и потому каждый сосредоточивается въ своей частной жизни и заботится только о личныхъ своихъ интересахъ. Если частный человѣкъ приходитъ въ столкновеніе съ закономъ, онъ старается по возможности его обойти; если ему приходится сдѣлать общественное пожертвованіе, онъ старается дать какъ можно меньше, и то дѣлаетъ неохотно и по при-

нужденію. Общественнаго духа нѣтъ, общественныхъ интересовъ нѣтъ, и это кладетъ на всю общественную жизнь печать мелочности и скуки. Рядовые люди, не будучи побуждаемы къ дѣятельности болѣе благородной, предаются мелочнымъ расчетамъ и низкимъ страстямъ, замѣняющимъ увлеченіе мысли и политическаго движенія; а люди, имѣющіе возвышенныя потребности, скучаютъ и впадаютъ въ уныніе среди однообразной, безцвѣтной и мелочной жизни, не доставляющей никакой духовной пищи человѣку.

Вообще духовная сторона народной жизни сильно страдаетъ отъ правительственной системы. Просвѣщеніе не можетъ обойтись безъ большей или меньшей свободы. Наука, искусство имѣютъ своенравную натуру, которая не поддается правительственнымъ предписаніямъ; у нихъ свои законы труда и вдохновенія, надъ которыми никто не имѣетъ власти. Наука не можетъ по волѣ правительства измѣнить логическаго сцѣпленія понятій или несоразмѣрнаго значенія фактовъ. Искуство ищетъ вдохновенія въ жизни, изображаетъ окружающее добро и зло такъ, какъ оно является глазамъ художника, а

не такъ, какъ понимаетъ правительство. Послѣднее въ этомъ дѣлѣ вовсе не судья; оно не можетъ сказать: думайте такъ или иначе, изучайте явленія такимъ, а не другимъ образомъ, изображайте эту, а не другую сторону жизни. Наука и искусство не подчиняются подобнымъ требованіямъ, ибо они по существу своему свободны; ихъ можно уничтожить, но произвольнаго направленія дать имъ нельзя.

Само правительство должно какъ-то до этого сознанія. Не теряя свободы, оно не можетъ терпѣть и того, что съ нею связано. Не стыдясь мнѣнія образованнаго міра, оно не рѣшилось совершенно уничтожить науку и литературу, а стало по возможности подавлять ихъ, такъ что на дѣлѣ онѣ пришли въ самое жалкое положеніе. Цензурныя постановленія такъ строги, что нельзя написать ничего, имѣющаго человѣческій смыслъ. Всякая мысль преслѣдуется, какъ контрабанда, и даже факты очищаются отъ всего, что можетъ бросить не совсѣмъ выгодный свѣтъ не только на существующій порядокъ вещей, но и на тѣ политическія, религіозныя и нравственныя начала, которыя приняты за оффиціальную норму. Въ учебныя

заведенія введены военное обученіе и военная дисциплина; неимѣющественные генералы поставлены во главѣ народнаго просвѣщенія; университеты лишены прежнихъ своихъ правъ и самое число учащихся ограничено. Казалось бы, чего лучшаго желать для государства, какъ не возможно большаго числа образованныхъ людей? Казалось бы, что возбуждать въ молодыхъ поколѣніяхъ, какъ не желаніе учиться? А между тѣмъ это благороднѣйшее стремленіе человѣка дѣлается предметомъ запретительныхъ мѣръ; правительство считаетъ его для себя опаснымъ и ограничиваетъ число студентовъ.

Послѣ этого мудрено ли, что перешедшіеся въ обществѣ духовные интересы исчезли, что рвеніе къ наукѣ и искуству уменьшилось? Вмѣсто нѣсколькихъ сотъ студентовъ, которые вступали ежегодно въ значительнѣйшіе наши университеты, теперь едва могутъ набрать и достаточно для пополненія ограниченнаго комплекта. И этому причина не война, ибо тоже самое было и до войны. Причина заключается въ правительственныхъ мѣрахъ, которыя убиваютъ съ насъ всякую духовную дѣятельность. Россія въ образованіи идетъ назадъ, а между

тѣмъ правительство отъ этого не выиграло, ибо эти мѣры произвели гораздо больше недовольныхъ, нежели сколько могли бы произвести всѣ журнальныя статьи въ мірѣ. Всякій, кто сколько нибудь уважаетъ образованіе, долженъ былъ по неволѣ потерять уваженіе къ правительству, его подавляющему. Только явная подлость можетъ послѣ этого именовать правительство просвѣщеннымъ или покровителемъ наукъ и искуствъ. Это ложь, которая опровергается очевидными фактами.

Съ образованіемъ связано и матеріальное благосостояніе государства. Промышленность не можетъ обойтись безъ науки, а наука у насъ въ немилости. Тщетно стало бы правительство обращать народъ къ тѣмъ ея отраслямъ, которыя имѣютъ практическую пользу для матеріальной жизни. Наука не поддается этимъ хитростямъ. Для своего просвѣщенія она требуетъ чтобы интересъ сосредоточивался на ней самой, а не на практическихъ ея приложеніяхъ. Для нея нужно, чтобы въ обществѣ было живое участіе къ ней, а это участіе получаетъ направленіе отъ самой жизни, а не отъ правительственныхъ распоряженій. Надобно прежде

предоставить свободу наукѣ, а тамъ уже она сама окажетъ пользу и въ практикѣ.

Впрочемъ у насъ и практическая сторона образованія подвергается тому же пренебреженію, какъ и теорія и это разумѣется отдается на низкомъ состояніи промышленности. Невѣжество нашихъ хозяевъ и фабрикантовъ явленіе всеобщее; немного найдется изъ нихъ исключеній. Вообще когда требуется знаніе или рациональное искуство, немедленно выписывается иностранецъ, которому и поручается управленіе заведенія; а это обходится весьма дорого, не говоря уже о томъ, что иностранцу, особенно незнающему русскій языкъ, трудно ладить съ нашими работниками. Тѣмъ хозяева, которымъ средства не позволяютъ нанять иностранца, слѣдуютъ обыкновенно вѣковой рутинѣ, дѣлаютъ самыя грубыя ошибки и понапрасну растрачиваютъ время, деньги и работу.

Понятно, какъ промышленность должна страдать отъ такого недостатка просвѣщенія. Къ этому надобно прибавить и другія причины, которыя впрочемъ всѣ сводятся къ одному источнику. Для успѣшнаго развитія промышленности прежде всего требуется по крайней

мѣрѣ гражданская свобода, дающая человѣку возможность самымъ выгоднымъ образомъ употреблять свои силы и способности. Кромѣ того ей нужно возбужденіе въ народѣ дѣятельности и энергіи, безъ которыхъ нѣтъ предпріимчиваго духа, ей нужна законная защита отъ притѣсненія и вообще устройство управленія, не затрудняющее коммерческихъ оборотовъ; ей нужно наконецъ развитіе всѣхъ матеріальныхъ средствъ общества, какъ то: кредита, путей сообщенія и т. п. А всего этого у насъ нѣтъ. Крѣпостное состояніе отвлекаетъ отъ производительнаго труда значительную часть народныхъ силъ, и представляетъ преграду всякому улучшенію земледѣлія; финансовая система всю тяжесть лежитъ на низшихъ сословіяхъ, подавленіе народной дѣятельности и самостоятельности убиваетъ въ немъ промышленный духъ; плохое устройство администраціи составляетъ для промышленности и торговли развратительное стѣсненіе и уничтожаетъ частный кредитъ, безъ котораго невозможны торговые обороты; наконецъ отсутствіе хорошихъ дорогъ препятствуетъ правильному сбыту и производитъ повсемѣстный застой произведеній. Праци-

тельство не отдаетъ устройства путей сообщенія на руки частнымъ капиталистамъ, потому что все хочетъ дѣлать само, а само оно дѣлаетъ и нескоро и дурно. У него въ распоряженіи недостаточно суммъ, и даже изъ тѣхъ, которыя назначаются для устройства путей сообщенія — двѣ-трети переходятъ въ карманы чиновниковъ и подрядчиковъ.

Такимъ образомъ, какъ духовные, такъ и матеріальные интересы государства страдаютъ отъ односторонняго правительственнаго направленія. Вообще мы въ этомъ отношеніи достигли крайности, которая отзывается на всемъ. Насильныя свойства русскаго народа и характеръ, который они сообщили историческому его развитію, привели насъ къ тому, что правительство сдѣлалось всемогущимъ. Но вмѣсто того, чтобы этимъ всемогуществомъ пользоваться осторожно и въ сознаніи своей силы допустить самостоятельность народа; вмѣсто того, чтобы пробуждать въ русскомъ обществѣ недостающую въ немъ инициативу, которая при его характерѣ не можетъ быть опасна для верховной власти, правительство все свое вниманіе устремило на то, чтобы болѣе и болѣе увеличивать свое мо-

гуществo; пренебрегая остальными элементами общественной жизни. Такимъ образомъ оно мало по малу совершенно отдѣлилось отъ народа. Въ войскѣ оно создало себѣ опору, отдѣльную отъ гражданъ; въ бюрократіи оно имѣетъ покорное орудіе своей воли; окружаютъ его люди лично преданные царю и ничѣмъ неимѣющіе съ народомъ ничего общаго. Со всѣхъ сторонъ оно загородилось и заслонилось отъ свѣта. Оно живетъ и движется въ совершенно отдѣльной сферѣ, куда ничто не проникаетъ изъ низшихъ странъ, гдѣ не слышно даже и отголоска общественной жизни. Въ этомъ очарованномъ кругу все свое, совершенно особенное, не похожее ни на что другое. — Тамъ есть оффиціальная преданность, оффиціальная лесть, оффиціальная ложь, оффиціальное удовольствіе, оффиціальное благосостояніе, оффиціальныя свѣдѣнія, оффиціальныя статьи, оффиціальная дисциплина, оффиціальная рутина. Все это созидается и поддерживается съ большимъ усиліемъ для царскаго увеселенія, но къ несчастію все это одинъ призракъ. Это мыльный пузырь, который образовался вокругъ всемогущаго владыки, ослѣпляетъ его своими радужными

цѣлями. А народъ между тѣмъ живетъ своею жизнью, бездольной и покорной, но отнюдь не счастливый и довольный. Впрочемъ кто объ этомъ заботится? Народъ придворными сановниками трактуется съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. Онъ по обязанности долженъ быть доволенъ своей судьбою. Недовольствіе — вредное и возмутительное начало, которое не можетъ быть терпимо въ государствѣ, и если кто нибудь осмѣлится сказать, что Россія несчастлива, то это конечно какой нибудь якобинецъ, котораго слѣдуетъ тотчасъ посадить въ крѣпость или сослать въ самую отдаленную губернію русской имперіи. Иначе для чего же существуетъ III отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи?

При такомъ положеніи вещей нельзя удивляться, что Россіи трудно даже въ своихъ предѣлахъ выдерживать борьбу съ внѣшними врагами. Къ чему могутъ послужить всѣ высокія доблести русскаго народа, когда силы его подорваны всеобщимъ растлѣніемъ государственнаго организма, всеобщимъ развращеніемъ, охватывающемъ его со всѣхъ сторонъ?

Россія достигла критической минуты въ

исторической своей жизни. Путь, по которому она шла впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ оказывается недостаточнымъ, направленіе, которому она слѣдовала, дошло до крайнихъ своихъ предѣловъ и привело къ самымъ гибельнымъ результатамъ. Таковъ историческій законъ. Народъ (а съ нимъ и правительство) долго идетъ по одной дорогѣ, занятый исключительно одною мыслью, составляющую его необходимую и насущную потребность. Но когда онъ совершитъ свое дѣло, когда онъ разовьетъ его во всѣхъ его послѣдствіяхъ, тогда онъ видитъ, что прежнее направленіе недостаточно, что оно не исчерпываетъ еще всей глубины народной жизни. Послѣдовательное развитіе крайности непремѣнно доводитъ ее до нелѣпыхъ результатовъ. Крайность сама собою обличаетъ свою несостоятельность и показываетъ необходимость идти по другому пути, для достиженія другой цѣли, болѣе полной и разумной. Тогда наступаетъ время перелома. Вездѣ чувствуются разладъ и безсиліе, чувствуется, что есть существенные элементы въ государствѣ, которые дотолѣ были въ пренебреженіи, и которые однако необходимы для

полноты жизни. И счастливъ народъ, у котораго есть правительство довольно благоразумное чтобы сознать этотъ недостатокъ, почувствовать свою ошибку и повести его по новому пути. Отъ сколькихъ это избавитъ его бѣдствій и междоусобій!

Такой переломъ наступилъ теперь для Россіи. До сихъ поръ развивалась у насъ одна форма государственнаго тѣла; теперь эту форму надобно одушевить общественною жизнью. До сихъ поръ на сценѣ былъ одинъ правительственный элементъ; теперь слѣдуетъ допустить къ дѣятельности и оставленный въ пренебреженіи элементъ народный. Вѣками покорности онъ искупилъ свои прежнія анархическія стремленія. Онъ подчинился государственному порядку, онъ воспитался для политической жизни. Теперь съ нимъ должно обращаться уже не какъ съ ребенкомъ, котораго закутываютъ въ пеленки, а какъ съ мужемъ, мыслящимъ и дѣйствующимъ самостоятельно. Но мы остаемся благодарны своему воспитателю и готовы любить его по прежнему, лишь бы онъ понялъ наши потребности и удовлетворилъ справедливымъ нашимъ желаніямъ. Намъ нужны не

сословныя права, не ограниченіе царской власти о которомъ никто въ Россіи и не думаетъ. Намъ нужна свобода! Мы хотимъ, чтобы все, что есть внутри насъ могло свободно высказываться и развиваться, чтобы царь зналъ, что думаетъ и что дѣлаетъ Россія, и могъ править нами съ яснымъ сознаніемъ дѣла и съ разумной любовью къ своему народу.

Либерализмъ! Это лозунгъ всякаго образованнаго и здравомыслящаго человѣка въ Россіи. Это знамя, которое можетъ соединить около себя людей всѣхъ сферъ, всѣхъ сословій, всѣхъ направленій. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнѣніе, если мы только стряхнемъ съ себя губящую насъ лѣнь и равнодушіе къ общему дѣлу. Это слово, которое излѣчитъ глубоко проникнувшія язвы, которое изгонитъ изъ насъ всю внутреннюю порчу, которое дастъ намъ возможность стать на ряду съ другими народами и съ обновленными силами идти по тому великому пути, котораго залогъ лежитъ въ высокихъ доблестяхъ русскаго народа. Въ либерализмѣ вся будущность Россіи. Да столпятся же около этого знамени и правительство и народъ съ довѣріемъ

другъ къ другу, съ твердымъ намѣреніемъ достигнуть предположенной цѣли.

Но что должно разумѣть подъ именемъ либерализма? Свобода слово неопредѣленное. Она можетъ быть и безграничная и ограниченная, и если безграничной свободы допустить нельзя, то въ чемъ же должна состоять свобода ограниченная? Однимъ словомъ, какія мѣры должно принять либеральное правительство, и чего должна желать либеральная партія въ обществѣ?

Постараемся изчислить главныя начала, которыя вытекаютъ изъ понятія о либерализмѣ и тѣ мѣры, которыя по нашему мнѣнію необходимы для благоденствія Россіи.

1. Свобода совѣсти. Это первое и священнѣйшее право гражданина, ибо если власть станетъ углубляться и въ совѣсть, то что же останется для нея неприкосновеннымъ? Религіозныя убѣжденія человѣка — святилище, въ которое никто не имѣетъ права проникать. Они составляютъ внутренній міръ души его, не подлежащій дѣйствіямъ гражданскаго закона, ибо законъ, какъ установленіе общественное, распространяется на одни общественныя отно-

шенія гражданъ. Имъ опредѣляются ихъ права и обязанности къ другимъ людямъ и къ государственной власти, но отношенія къ Божеству остается дѣломъ совѣсти. Какой способъ человѣкъ считаетъ лучшимъ для спасенія души, это до государства не касается. Здѣсь можно дѣйствовать только убѣжденіемъ, а отнюдь не силою; убѣжденіе же есть дѣло церкви, которой и должно быть предоставлено напутствіе душъ къ спасенію. Законъ не имѣетъ здѣсь никакой власти. Онъ не можетъ заставить человѣка вѣровать такъ, а не иначе; онъ можетъ произвести только лицемѣріе, а отнюдь не искренное поклоненіе. Принудительными дѣйствіями онъ достигаетъ только того, что мирные граждане, строго исполняющіе общественныя обязанности, превращаются для него въ враговъ, оскорбляемыхъ въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ, а это безъ сомнѣнія, столь же вредно для государства, сколько безполезно для религіи.

Само законодательство сознаетъ это, и провозглашаетъ свободу совѣсти, какъ основное право всѣхъ гражданъ русской имперіи. Но къ несчастію на дѣлѣ эта свобода ограничена. Нѣсколько милліоновъ раскольниковъ, составляю-

щихъ можетъ быть, самую трудолюбивую и развитую часть русскаго крестьянства, не только не имѣютъ свободнаго вѣроисповѣданія, но подвергаются всякаго рода гоненіямъ и притѣсненіямъ. Тогда какъ язычникамъ дозволено безпрепятственно поклоняться своимъ идоламъ, ближайшія къ православію вѣрованія преслѣдуются всѣми способами. Такое несправедливое противорѣчіе въ учрежденіяхъ должно быть уничтожено. Чтобы провозглашенное закономъ начало стало дѣйствительностью, необходимо дать раскольникамъ свободу вѣроисповѣданія. Надобно кромѣ того уничтожить и гражданскія наказанія, установленныя, какъ за неисполненіе церковныхъ обязанностей, такъ и за переходъ изъ православія въ другія вѣроисповѣданія. Это опять дѣло совѣсти, въ которое гражданскій законъ не имѣетъ права вмѣшиваться. Наконецъ справедливость требуетъ, чтобы и съ Евреевъ сняты были тѣ притѣснительныя ограниченія, которымъ они подвержены въ настоящее время, ибо свобода совѣсти есть правo, изъ котораго не долженъ быть исключенъ ни одинъ подданный русской имперіи; ни одинъ не долженъ страдать за свои религіозныя убѣжденія.

2. Свобода отъ крѣпостнаго состоянія, одно изъ величайшихъ золъ, которыми страдаетъ нынѣ Россія. Это отраженіе въ меньшемъ, но еще худшемъ видѣ той же системы, которая господствуетъ въ цѣломъ. Помѣщикъ есть почти такой же полноправный и безотвѣтственный владыка надъ своими крестьянами, какъ государь надъ своими подданными. Онъ не имѣетъ только права жизни и смерти; въ остальномъ же ни лице, ни имущество крѣпостнаго человѣка нисколько не ограждены отъ помѣщичьяго произвола. Положеніе властей одинаково, злоупотребленія одинаковы, и самыя доказательства, которыми они стараются оправдать себя одни и тѣже. Правительство стоитъ за права державныя, помѣщики стоятъ за право собственности. Правительство говоритъ, что допущеніе свободы и оппозиціи въ государствѣ есть разрушеніе патріархальнаго союза любви въ пользу искуственныхъ отношеній, основаныхъ на политическихъ расчетахъ; помѣщики говорятъ, что уничтоженіе ихъ власти есть замѣненіе патріаршальнаго попеченія (!) меркантильной системою найма. Правительство утверждаетъ, что народъ, которому предоставляется

свобода, предается внутренней анархіи; помѣщики утверждаютъ, что освобожденный крестьянинъ спивается съ круга и дѣлается никуда не годнымъ. Правительство говоритъ, что всякая уступка поведетъ къ революціи; помѣщики говорятъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ знакомъ для всеобщей рѣзни господъ. Правительство хочетъ дѣйствовать палліативными мѣрами, уничтоженіемъ злоупотребленій и сохраняетъ самую систему ихъ порождающую; помѣщики точно также не хотятъ слышать объ уничтоженіи самаго корня зла, а допускаютъ только наказаніе за нарушеніе никого не ограждающихъ законныхъ постановленій. Правительство краснорѣчиво описываетъ блаженство вкушаемое подданными подъ его державою; помѣщики также краснорѣчиво доказываютъ, что ихъ крестьяне лучше и счастливѣе всѣхъ свободныхъ людей въ мірѣ. Правительство указываетъ на Западные народы, какъ на примѣръ несчастныхъ послѣдствій свободнаго правленія; помѣщики указываютъ на состояніе государственныхъ крестьянъ, какъ на такое бѣдствіе, отъ котораго избавлены ихъ крѣпостные люди. Впрочемъ ни та, ни другая власть

не хочетъ видѣть, что собственные ея подданные сочли бы за величайшее счастіе, если бы ихъ положеніе хотя нѣсколько уподобилось тому, которое должно служить имъ урокомъ и предостереженіемъ отъ пагубныхъ замысловъ. Но какъ правительство, такъ и помѣщики равно утверждаютъ, что либеральныя стремленія ничто иное, какъ подражаніе Западу, нисколько не приложимое къ Россіи. Россія, по ихъ мнѣнію, страна совершенно непохожая на другія, имѣющая такія особенности, которыя дѣлаютъ существующій порядокъ единственно для нея возможнымъ. Никто впрочемъ до сихъ поръ не потрудился объяснить, что это за странныя особенности. Кажется это обыкновенно то, что выгодно для властей.

Аргументы слѣдственно одинаки: это аргументы всѣхъ притѣснителей. Но вотъ въ чемъ различіе : правительство есть представитель общества, имѣющій необходимую и законную власть, которою оно только пользуется односторонним образомъ. Помѣщикъ же есть частное лице, облеченное властью, которая не имѣетъ рѣшительно никакого справедливаго и законнаго основанія. Власть надъ лицемъ можетъ

принадлежать только къ государству, а всякое частное подданство есть нарушеніе государственныхъ правъ. Оно противно и нравственному чувству и справедливости и общественной пользѣ. Это отдача одного сословія на жертву другому, между тѣмъ какъ всѣ граждане должны одинаково пользоваться благами общественной жизни. Нѣтъ поэтому ничего страннѣе, какъ слышать помѣщика толкующаго о либерализмѣ, о притѣсненіяхъ правительства, тогда какъ самъ онъ виновникъ и защитникъ величайшаго притѣсненія. Помѣщикъ не имѣетъ даже права жаловаться на существующій порядокъ, ибо злоупотребленія помѣщичьей власти гораздо хуже злоупотребленій консервативной администраціи, и вредъ проистекающій изъ правительственной системы ничто въ сравненіи съ вредомъ происходящимъ отъ крѣпостнаго права, которое связываетъ руки всѣмъ сословіямъ, искажаетъ всѣ общественныя отношенія, препятствуетъ всякому улучшенію учрежденій, изъемлетъ изъ законнаго порядка цѣлую треть народонаселенія, портитъ народный характеръ, убиваетъ въ немъ человѣческое достоинство и водворяетъ въ государствѣ безнравственность,

беззаконіе и развратъ. Если правительство подвергается отвѣтственности за нынѣшнее печальное положеніе государства, то безъ сомнѣнія тяжесть вины должна падать и на дворянство, нерваго сподвижника престола, ибо оно могло бы хоть отчасти помочь бѣдственному порядку вещей, и этого не дѣлаетъ. Среди всеобщаго безсилія къ добру, если есть сословіе, которое можетъ еще оказать истинную услугу отечеству, то это дворянство. Освободивши своихъ крестьянъ, оно принесетъ ему дань, гораздо болѣе полезную и благородную, нежели всѣ тщетныя жалобы и безплодныя воздыханія, которыя раздаются нынѣ со всѣхъ сторонъ.

Какимъ образомъ можно совершить освобожденіе, здѣсь не мѣсто разсматривать; это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно было указать на необходимость этой мѣры.

3. Свобода общественнаго мнѣнія. Все наше изложеніе клонилось къ тому, чтобы показать ея необходимость въ государствѣ. Поэтому мы должны поставить ее на первомъ планѣ, какъ краеугольный камень либеральной политики. Пусть каждый Русскій сознаетъ себя гражданиномъ своего отечества, призваннымъ

содѣйствовать общему дѣлу. Правительство не только не должно подавлять въ народѣ политической жизни, но обязано всѣми способами стараться, чтобы каждый могъ по возможности имѣть ясное понятіе о законахъ своего отечества, о внутреннемъ его состояніи и о политической системѣ управленія. А этого иначе нельзя достигнуть, какъ предоставивъ всѣмъ право свободно высказывать свои мнѣнія и убѣжденія. Человѣкъ, который за каждое оппозиціонное слово, за каждую смѣло высказанную мысль можетъ всегда быть схваченъ и подвергнуть произвольному наказанію, есть рабъ, а не гражданинъ. Онъ не можетъ употреблять свои силы и способности согласно своимъ убѣжденіямъ, а можетъ только безмолвно покориться чужой волѣ. Но мы видѣли къ чему привела насъ безмолвная покорность. Пора отложить ее въ сторону и на мѣсто этого страдательнаго орудія воздвигнуть общественное мнѣніе, которое можетъ сдѣлаться лучшимъ и надежнѣйшимъ помощникомъ правительства, имѣющаго въ виду народное благо. Одно только общественное мнѣніе способно раскрыть истину, обличить злоупотребленія, отыскать спосо-

бныхъ людей, возбудить дѣятельность въ народѣ и наконецъ самое правительство побудить къ необходимымъ преобразованіямъ. Общественное мнѣніе есть выраженіе народной мысли. Пускай оно сначала будетъ шатко, незрѣло, разрозненно; все это не можетъ быть иначе послѣ вѣковаго безмолвія. Но свобода воспитаетъ его и укрѣпитъ, и тогда правительство найдетъ въ немъ лучшаго своего сподвижника.

4. Свобода книгопечатанія, необходимое послѣдствіе свободы общественнаго мнѣнія. Недостаточно имѣть возможность высказать свои мысли въ разговорахъ; разговоры—дѣло частное. Если народное мнѣніе должно имѣть общественное значеніе, то оно должно быть гласно и извѣстно, а это возможно только посредствомъ книгопечатанія. Пока существуетъ цензура, — подвергающая всякое выраженіе мысли предварительному разрѣшенію правительства, до тѣхъ поръ существуетъ только мнѣніе правительства, а народъ долженъ безмолвствовать. Отмѣненіе цензуры есть основаніе всякой либеральной системы, желающей опереться на общественное мнѣніе и дать народу нѣкоторую самостоятельность. Только

уничтоженіемъ цензуры правительство можетъ доказать, что оно не намѣрено отдѣлаться одними громкими фразами, а хочетъ совершить искреннее преобразованіе въ управленіи. Нечего бояться ему оппозиціонныхъ выходокъ. Оппозиція — не только не ослабитъ его, а укрѣпитъ, если оно будетъ вести себя благоразумно. Она вызоветъ и защитниковъ правительства, которымъ въ настоящее время никто не вѣритъ, ибо никто не смѣетъ имъ противорѣчить, но которые тогда получатъ силу и значеніе. Оппозиція дастъ правильный и законный исходъ всѣмъ подавленнымъ нынѣ стремленіямъ народа, ибо высказанное неудовольствіе теряетъ половину своей силы. Вмѣсто тайнаго и всеобщаго раздраженія, хватающагося за все правильно и неправильно, она разовьетъ въ народѣ истинныя понятія о вещахъ, воспитаетъ въ немъ политическій смыслъ, и самому правительству откроетъ правду, укажетъ на его недостатки, выскажетъ различныя потребности народа. Оппозиція есть именно выраженіе этихъ разнородныхъ потребностей; въ ихъ столкновеніи и борьбѣ состоитъ вся политическая жизнь народа. Нужно только, чтобы борьба

была мирная и законная, а этого можно достигнуть только предоставленіемъ ей свободнаго исхода. Пускай высказываются даже нелѣпыя мнѣнія; они обличатся сами собой. Чѣмъ оппозиція будетъ менѣе разумна, тѣмъ менѣе она найдетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи, и тѣмъ правительство будетъ сильнѣе. Ибо нравственная сила правительства состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ явно безмолвствовали и тайно ему недоброжелательствовали; но въ томъ — чтобы большинство примыкало къ нему съ довѣріемъ и любовью, когда существуетъ возможность противорѣчія. Только черезъ это становится ясенымъ, что оно имѣетъ истину на своей сторонѣ; теперь же оно на своей сторонѣ имѣетъ только физическую силу. Противорѣчія правительство не должно бояться, если оно высказывается благоразумно; только воззваніе къ нарушенію законнаго порядка, только стремленіе опрокинуть общественныя учрежденія не должно быть допускаемо. Но для этого у правительства есть законъ, карающій виновнаго. Оно всегда можетъ писателя предать суду и запретить журналъ, занимающійся разруши-

тельной пропагандой. Законъ долженъ пресѣкать зло, а не предупреждать его запрещеніемъ самаго дѣйствія, могущаго подать поводъ къ злоупотребленіямъ. Злоупотребленія могутъ быть всегда и во всемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все надобно было запрещать.

5. Свобода преподаванія. Наука должна имѣть самостоятельное развитіе, и правительство не можетъ налагать на нее своихъ мнѣній. Оно должно ограничиться надзоромъ, чтобы каѳедры не превратились въ центры политической и религіозной пропаганды вмѣсто того, чтобы служить орудіемъ для научнаго преподаванія. Разумѣется, при этомъ должны быть отмѣнены всѣ мѣры, стѣсняющія нынѣ общественное воспитаніе, которое должно быть основано на либеральныхъ началахъ, а не на военной дисциплинѣ.

6. Публичность всѣхъ правительственныхъ дѣйствій, которыхъ обнаруженіе не можетъ быть вредно для государства, и прежде всего бюджета государственныхъ доходовъ и расходовъ. Народъ долженъ знать, что происходитъ въ верховномъ управленіи, обществен-

ное дѣло есть его собственное, и правительство, которое искренно заботится о его пользѣ, не можетъ бояться гласности своихъ дѣйствій.

7. Публичность и гласность судопроизводства. Для правильности суда, для ускоренія хода дѣлъ, для уничтоженія безчисленныхъ злоупотребленій, скрывающихся подъ покровомъ тьмы, это мѣра сама благодѣтельная. Тяжущійся и подсудимый найдутъ въ ней огражденіе отъ притѣсненій, судьи побужденіе къ правосудію, правительство и народъ познаніе истиннаго положенія судопроизводства, одной изъ важнѣйшихъ отраслей управленія. Кромѣ того вѣчное зрѣлище суда и наказанія розовьетъ въ гражданахъ чувство права и законности, составляющее первое основаніе всякой разумной общественной жизни, но которое къ несчастію заглохло у насъ совершенно. Какимъ образомъ осуществить это преобразованіе, объ этомъ здѣсь опять не мѣсто говорить.

Вотъ главныя мѣры, которыя должны быть предметомъ попеченія просвѣщеннаго правительства и желаніемъ либеральной партіи въ Россіи. Въ либерализмѣ, какъ мы сказали, будущность нашего отечества; онъ одинъ мо-

жетъ пробудить его къ новой жизни и дать ему возможность развить всѣ дремлющія въ немъ силы. Потому каждый искренно любящій свою родину, каждый просвѣщенный гражданинъ долженъ примкнуть къ этому знамени. Всѣми доступными намъ законными средствами, стряхнувъ съ себя губящее насъ равнодушіе къ общему дѣлу, мы должны стремиться къ поддержанію великаго и благотворнаго начала свободы. Выскажемъ его громко, ибо это убѣжденіе внушено намъ не пустымъ и безпокойнымъ стремленіемъ къ своеволію, а истинной любовью къ отечеству и желаніемъ вывести его изъ печальнаго состоянія, въ которомъ оно находится. Можетъ быть нѣкоторымъ придется и пострадать за свою откровенность; но страдать за правое дѣло не тяжело. Пора намъ отвыкнуть отъ раболѣпнаго и унизительнаго страха передъ властью, и понять, что благородная твердость убѣжденій — одна достойна великаго народа. Гражданское мужество такая добродѣтель, которая у насъ почти исчезла, но которая необходима для всякаго, желающаго совершить что нибудь полезное. Мы должны дѣйствовать сами, не ожидая всего отъ прави-

тельства и не сваливая на него всю вину въ нашихъ бѣдствіяхъ. Мы сами много и много виноваты въ нынѣшнемъ положеніи Россіи. Только наша собственная недѣятельность, наше безсловесное равнодушіе къ общественному благу, наша непростительная робость, могли допустить правительство до такой степени ослѣпленія. Не видя себѣ нигдѣ ни преграды, ни увѣщанія, оно вообразило, что идетъ по настоящему пути и считало народъ совершенно довольнымъ его правленіемъ. Надобно намъ наконецъ возвысить голосъ и показать, что въ насъ есть и мысль и желаніе добра. Тогда только, когда мы станемъ смѣло говорить правду не опасаясь ни ссылки, ни наказанія, когда мы сами подвинемся къ дѣятельности, не дожидаясь правительственнаго толчка, тогда мы въ правѣ будемъ сказать, что мы народъ, имѣющій въ себѣ залогъ великой будощности. А кто изъ насъ не желаетъ этого для Россіи?

Въ заключеніе скажемъ еще одно слово. Это обличеніе внутренней нашей порчи, эта общественная исповѣдь должна служить отвѣтомъ на призывъ къ покаянію; который слышится со всѣхъ сторонъ. Если обязанность каждаго

гражданина, живо чувствующаго недостатки своего отечества, высказать ихъ для пользы сограждан и указать по мѣрѣ силъ на способы исправленія, то нынѣ эта обязанность вдвойнѣ священна. Воззваніе нашихъ пастырей не прошло для насъ даромъ. Не разъ ужъ изъ народа слышенъ былъ голосъ искренней исповѣди. Мы каемся въ своихъ порокахъ и каемся отъ глубины души, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, съ желаніемъ всего лучшаго для отечества. Но теперь очередь стоитъ за правительствомъ. Отчего наши проповѣдники, такъ краснорѣчиво говорящіе о грѣхахъ народа, не призываютъ къ покаянію и правительство? Развѣ не лежатъ на немъ всею тяжестью тѣже самыя прегрѣшенія, которыхъ бремя такъ трудно для насъ? Мы до сихъ поръ во всемъ полагались на него, впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ оно было постояннымъ нашимъ наставникомъ и руководителемъ. Оно привело заблудшихъ овецъ своихъ къ тому состоянію, которое навлекло на себя наказаніе Божіе. Пусть же и оно принесетъ свою общественную исповѣдь; пусть же оно покажетъ намъ и примѣръ исправленія. А это оно можетъ сдѣлать

отмѣненіемъ пагубной системы управленія, отреченіемъ отъ эгоистическаго стремленія къ усиленію своей власти и предоставленіемъ народу той политической жизни, безъ которой не можетъ обойтись ни одно просвѣщенное государство.

Іюнь, 1855.

РОССІЯ

ВЪ ВОЙНѢ И ВЪ МИРѢ.

Бывшій солдатъ республики и маршалъ имперіи Бернадотъ, ставъ шведскимъ королемъ, имѣлъ обыкновеніе говорить: "время внѣшнихъ завоеваній прошло; наступаетъ пора завоеваній внутреннихъ." И дѣйствительно, подъ его правленіемъ, почти безплодная Швеція, къ которой, въ замѣну отнятой Финляндіи и Помераніи, присоединили независимую, только отрицательно ей полезную Норвегію, перестала нуждаться въ чужомъ хлѣбѣ, и можетъ довольствоваться однимъ внутреннимъ, хоть и скуднымъ богатствомъ.

Правду сказать, наступаетъ и для насъ пора внутреннихъ пріобрѣтеній. Долго, слишкомъ долго клали мы на вѣсы европейскаго равновѣсія свой мечь, свою кровь и деньги; слишкомъ долго поддерживали мы искуственное первенство надъ западными державами, и въ мирное

время держали милліонъ войска, чтобъ имѣть право протестовать противъ внутреннихъ измѣненій у европейскихъ народовъ, вмѣшиваться въ чужія дѣла, отстаивать дряхлѣющій принципъ абсолюзизма. Никто намъ за это не сказалъ — спасибо, ни Австрія, распадавшаяся въ 1849 г., ни прочіе евоопейскіе престолы, потрясенные 1848 годомъ въ своемъ основаніи. Въ теченіе болѣе, чѣмъ полстолѣтія мы приносили всѣ возможныя жертвы Молоху "законности"; а теперь болѣе или менѣе "законная" Европа опрокинулась, подъ знаменемъ цивилизаціи, на ту державу крайняго Востока, которую не безъ основанія считаютъ заклятымъ врагомъ всякой цивилизаціи.

До какой степени правъ инстинктъ Европы, здѣсь не мѣсто разбирать. Моя цѣль иная: показать, что и для Россіи наступила пора обратиться внутрь себя, вглядѣться пристально въ свое внутреннее устройство, принять къ сердцу свою собственную "законность".

Прежде всего слѣдуетъ подумать о томъ, что мы не военная нація.

Странны наши судьбы въ этомъ отношеніи! То, что должно бы было открыть намъ глаза,

то именно и увлекло фатально въ ложный для насъ путь воинственности.

Русскій народъ по преимуществу мирный. Онъ чуждъ духа завоеваній. Правда, одинъ изъ его прежнихъ элементовъ — казачество, дѣйствовалъ какъ будто въ противномъ тому духѣ; но казачество было явленіемъ пограничнымъ, оно существовало лишь по окраинамъ Руси, и въ сущности довольствовалось отпоромъ враждебныхъ намъ сосѣдей. Завоеванія Ермака, Стеньки Разина и другихъ были случайными исключеніями, проявленіемъ отдѣльнаго молодечества, и нисколько не выражали общаго настроенія нашихъ усноковъ. Пограничные казаки, охраняя наши предѣлы, дѣлали только возможными, для внутренняго населенія, мирныя занятія домашняго быта.

Наше срединное положеніе условливало отчасти такой бытъ, поддерживая миролюбивое довольство своимъ.

Но это самое положеніе и послужило исходной точкой для того ложнаго пути, на которомъ мы очутились впослѣдствіи, сами того не замѣчая.

Когда разрозненная Русь сложилась въ мос-

ковское государство, его правители почувствовали необходимость владѣть хоть клочкомъ приморскаго берега, сверхъ дальняго бѣломорья. Отсюда рѣдко прерываемый рядъ войнъ, театромъ которыхъ было балтійское и финское прибрежье.

Прочія войны, и даже покоренія со стороны нашей восточной и западной границы, имѣютъ значеніе существенно оборонительное: мы должны были завоевать Казань и Астрахань, какъ прежде и послѣ должны были отражать нападенія Литвы и Польши. Но въ отношеніи къ сѣвернымъ, какъ и къ южнымъ берегамъ, войны принимаютъ характеръ наступательный, ибо независимо отъ необходимости охранять сѣверные и южные предѣлы, у всѣхъ нашихъ правителей неизмѣнно проглядываетъ желаніе утвердиться у моря и проложить себѣ путь къ Западу.

Съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій, черезъ основаніе Петербурга и присоединеніе Лифляндіи, прорубилъ къ русской избѣ окно на этотъ желанный Западъ, и мы мало по малу вдвинулись въ Европу—наши новыя границы, новыя отношенія къ прочимъ державамъ, и

вообще новое значеніе, пріобрѣтенное нами, подняли насъ на войны, не только оборонительныя и народныя, но и чисто кабинетныя. Послѣ участія нашего въ семилѣтней войнѣ, послѣ раздѣловъ Польши, успѣшныхъ усилій къ ослабленію Турціи, итальянскаго похода, и наконецъ побѣдоноснаго вмѣшательства въ европейскую борьбу за независимость, мы легко могли возмечтать, что призваны съ мечемъ въ рукѣ утвердить и разширить наше преобладающее значеніе въ европейской семьѣ, а черезъ то и на Востокѣ. Къ несчастію, мы достигли честолюбивой цѣли. Слова въ донесеніи Паскевича: "Венгрія у ногъ в. в.", и слова императора Николая англійскому посланнику Сеймуру: "когда говорять — Россія, говорять — Австрія". — Эти слова выражаютъ высшую степень нашего внѣшняго вліянія, указываютъ на вершину нашего могущества, за которой мы неминуемо должны были спускаться подъ гору.

Теперь надолго лишились мы возможности вмѣшиваться въ чужія дѣла, — и слава Богу! Крой чужую крышу, а своей не забывай, говорить пословица. Мы слишкомъ долго забы-

вали свою собственную крышу, подпирая гнилое зданіе легитимизма. Пора взяться за умъ.

Періодъ честолюбивыхъ кабинетныхъ войнъ для насъ кончился; наступаетъ новый—періодъ мира и внутренняго роста, а не войны и внѣшнихъ разширеній.

Воинская осанка намъ не къ лицу; гордо завоевательный, властолюбивый духъ не въ нашемъ характерѣ. Мы, правда, не позволяемъ наступить себѣ на ногу, но не любимъ наступать и на ногу другихъ. Это черта, достойная уваженія, ибо есть признакъ спокойной силы и благодушія къ чужимъ народностямъ. Да и къ добру ли привела насъ воинственность? Сначала желая образовать стоячее войско, мы узаконили у себя крѣпостное право, эту внутреннюю болячку Россіи: мы запретили переходы крестьянъ, чтобъ не лишить служилое сословіе возможности поставлять войско, и окончательно ихъ закрѣпили, чтобы на точной народной переписи утвердить рекрутскую повинность. Потомъ, чтобъ занять возникшую армію, мы вовлеклись въ войны, которыхъ могли бы избѣгать; а ихъ успѣхи внушили

самонадѣянность, которая довела насъ до настоящей войны. Войско обратилось у насъ въ раззорительную игрушку; на нее тратился цвѣтъ населенія и добытыя кровью, потомъ, да народнымъ разращеніемъ сотни милліоновъ рублей, чуть не половина всѣхъ государственныхъ доходовъ. Это войско, игрушка и угроза вмѣстѣ, ополчило наконецъ Европу, а насъ все таки не отстояло отъ чужеземнаго нашествія. Воинственные Французы создали въ нѣсколько мѣсяцевъ 14 армій изъ босыхъ и голодныхъ рекрутъ, которые отразивъ отовсюду бевчисленныхъ враговъ Франціи, заставили потомъ трепетать всю Европу. Намъ тутъ не сравниться съ ними: теперешняя война показала, что между естественной воинственностью Французовъ и нашей искуственной — цѣлая бездна. Храбры мы какъ и они, да лишенки ихъ неотразимости (furia francese). А почему? Потому, что наша храбрость пассивна; потому что отлично стоимъ за себя, но не совсѣмъ бойко идемъ на другихъ. Говорю это не въ укоръ,—напротивъ. Едва-ль не больше будущности и гражданскаго чувства въ народѣ, у котораго отсутствуетъ наступательно

воинственный духъ, т. е. тщеславіе и властолюбіе, чѣмъ въ такомъ, который какъ Французы ставитъ выше всего воинскую честь и славу. Наше призваніе очевидно не война; мы были военной державою, но повторяю, мы не военная нація. Наше призваніе иное; углубимся же внутрь себя и поймемъ, что наша сила въ мирѣ, залогъ нашего будущаго во внутреннемъ устройствѣ.

Если это такъ, то ясно, что въ настоящую минуту намъ надо прежде всего заключить миръ, а тамъ—сосредоточить свое вниманіе на самихъ себѣ.

"Какъ можно думать о мирѣ, пока непріятельское знамя развѣвается на русской землѣ!" говорятъ нѣкоторые, перифразируя извѣстныя слова Александра Павловича.* Эти пламенные патріоты забываютъ, что теперешняя война вовсе не похожа на войну 12 года; что тогда непріятель проникъ въ самое сердце Россіи, и что для насъ не могло быть средины между — "умереть или побѣдить." Они забываютъ и то, что въ 12 году наши силы, даже наше воинское искуство были болѣе въ уровень съ непріятель-

* Писано въ 1855 году.

сними, чѣмъ теперь; и если съ одной стороны мы имѣли дѣло съ величайшимъ полководцемъ міра, то съ другой — вѣрными нашими союзниками были его собственныя ошибки и ранняя суровая зима. Въ исторіи рѣдко повторяется одно и тоже. Союзники умѣли избѣжать ошибки своего великаго предшественника; мы же покинутые прежними дружелюбными стихіями, были покинуты и прежними людьми, которыхъ конечно не создать изъ безсмысленной пустоты послѣдняго царствованія.

Другіе патріоты, менѣе рьяные, но столь же упорные, изъявляютъ желаніе, чтобъ борьба продолжалась и въ 1856 году, надѣясь, что авось не пересилимъ ли мы совокупной Европы. Правда, русское авось иногда удается, но вѣдь иногда и нѣтъ. А въ такомъ жизненномъ вопросѣ, какъ война, или миръ, на авось идти не благоразумно. Кто поручится, что посольство Канробера въ Швецію и Данію, не положило основанія наступательному противъ насъ союзу съ нашими западными врагами? Вспомнимъ басню о старомъ львѣ. Швеція и Данія конечно, весьма второстепенныя державы; но если бы первой изъ нихъ вздумалось воз-

вратить себѣ Финляндію, а второй — получить обратно Норвегію, за которую Швеція была бы съ избыткомъ вознаграждена прежними своими владѣніями на нашемъ Сѣверѣ, то силы этихъ державъ были-бъ, безъ сомнѣнія, грозной для насъ диверсіей. Къ счастью, Польша пригодилась намъ хоть на что нибудь: боязнь ея вѣчно тревожнаго духа останавливаетъ Пруссію съ Австріей отъ рѣшительнаго перехода на сторону союзниковъ противъ Россіи. Но извѣстно, что одна смерть Николая Павловича удержала замыслы нашихъ польскихъ провинцій, которыя въ 1854 году были покрыты тайными обществами, снаряжавшими общее возстаніе. Никто не можетъ отвѣчать, чтобъ попытки польскихъ патріотовъ не возобновились и въ будущемъ году, тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ затруднительнѣе было бы наше и безъ того тяжелое положеніе. Вспомнимъ также и Кавказъ, открытую Бессарабію, 250 военныхъ судовъ, которыми Англія грозитъ Балтійскому морю, и т. д. Кровь леденѣетъ при мысли, что насъ ожидаетъ въ будущемъ году, если общественное мнѣніе Англіи не измѣнится какимъ нибудь чудомъ, или удачный выстрѣлъ не положитъ

конца планамъ Людовика Наполеона. Но на чудеса и на случай полагаться нечего. Надобно сказать себѣ разъ навсегда:

1854 годъ вовсе не подвинулъ насъ въ войнѣ, а 55 даже сильно отдвинулъ. Въ прошломъ году мы должны были очистить придунайскія княжества, перейти обратно черезъ Дунай и даже черезъ Пруть, побоялись потерять палецъ; теперь придется потерять два; но потерять два все таки легче, чѣмъ три, или четыре, или, пожалуй, цѣлую руку. Расчетъ простъ и ясенъ.

Новыя условія мира, о которыхъ заговариваютъ газеты и ходятъ слухи, вызванные пріѣздомъ въ Петербургъ графа Эстергази и барона Зебаха, будутъ для насъ, конечно, невыгодны; но что же дѣлать? Авось сдача Карса, не совсѣмъ дружелюбное расположеніе соединенныхъ Штатовъ къ Англіи, сохраненіе нейтралитета со стороны Пруссіи и остальной Германіи, да еще кое-какія неожиданныя обстоятельства, сбавятъ сколько нибудь притязанія союзниковъ. Тѣмъ лучше. Ихъ умѣренность вызоветъ и нашу; чѣмъ будетъ меньше высокомѣрія съ одной стороны и униженія съ другой, тѣмъ прочнѣе утвердится миръ. Но если-бъ намъ

пришлось услышать болѣе, чѣмъ можетъ допустить народная гордость, то и это, право, еще не бѣда. Миръ въ такомъ случаѣ превратился бы въ перемиріе; мы уступили-бъ на время: сильному отъ природы уступить не стыдно; а между тѣмъ мы собрались бы съ новыми силами, окрѣпли бы внутри, привели бы въ порядокъ финансы, образовали бы новое войско, ободрились-бы духомъ, да и грянули-бъ на врага. Какъ знать! И внѣшнія обстоятельства сложились бы иначе, непремѣнно иначе. Во Франціи можетъ произойти новый неожиданный переворотъ; соединные-Штаты, этотъ естественный и грозный противникъ Англіи, того и гляди, что придутъ съ нею въ столкновеніе; второстепенныя морскія державы заключатъ между собою союзъ противъ усиливающагося господства западныхъ властителей моря; да и эти, чего добраго, возвратятся къ своей инстинктивой враждѣ; словомъ, такъ или иначе, перевѣсъ одной стороны вызоветъ противодѣйствіе другой. Это законъ непреложный, который непремѣнно послужитъ намъ въ пользу. Россія, слава Богу, не Турція, даже не Австрія:

ее не сотрешь съ карты Европы и Азіи; она всегда будетъ стоять во главѣ — если не первенствующихъ, по крайней мѣрѣ второстепенныхъ державъ, а это чрезвычайно много. "Лучше быть руководящей скрыпкой между секундами, сказалъ одинъ музыкантъ, чѣмъ обыкновеннымъ скрыпачемъ между прими." Совершенно такъ.

Автора этой статьи могутъ обвинить въ нѣкоторомъ противорѣчіи; могутъ сказать, что онъ, проповѣдуя миръ въ настоящемъ, проповѣдуетъ войну въ будущемъ (хоть и условно). Но потому то именно противорѣчія и нѣтъ. Я нисколько не въ пользу окончательнаго мира— "во чтобы ни стало". Конечно, я считаю миръ, а не войну, жизненнымъ условіемъ для Россіи, и потому противъ всего, что произвольно и безъ пользы можетъ вывесть ее изъ мирнаго положенія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ Русскому легко было успокоиться при мысли о такихъ территоріальныхъ уступкахъ, которыя наносили бы ущербъ существеннымъ интересамъ отечества. Такъ напр. я считалъ бы несчастіемъ потерю Камышевой бухты, Бала-

клавы, Эвпаторіи, Керчи, или устья Дуная. Но такое несчастіе было-бъ только временное, и изъ двухъ золъ, конечно меньшее.

Позволю себѣ еще замѣчаніе: приступимъ ли мы къ заключенію серьезнаго мира, или только мира до поры до времени, — мы не должны приносить жертвъ общему, глубоко вкоренившемуся предразсудку ложно понимаемой національной и того менѣе военной чести. Народы, какъ и люди, имѣютъ иногда о чести самое превратное понятіе. Оно обыкновенно поддерживается правительственными лицами частью изъ расчета, а частью по преданію. Въ сущности, противно чести только то, что противно благородству. А между тѣмъ, сколько неблагороднаго позволяютъ себѣ иныя правительства! Если нечистый поступокъ удается и приноситъ пользу,—никто и не думаетъ считать его противнымъ чести. Напротивъ того, если искуство или числительное превосходство непріятеля заставитъ уступить хотя клочекъ земли, тотчасъ слышатся толки: "да это оскорбительно для народной чести, да этого военная честь не допускаетъ." Льются по напрасно потоки благородной, драгоцѣнной крови

—это ничего! Истощаются народныя силы и государственныя средства въ неравной борьбѣ, которой исходъ несомнѣненъ — это ничего! Но попробуй правительство заключить невыгодный, хоть и неизбѣжный миръ; рѣшись оно прекратить безполезное кровопролитіе пожертвованіемъ хоть однаго города или крѣпости— и вотъ со всѣхъ сторонъ подымутся крики: "да какъ это можно! да это роняетъ нашу честь, да это унижаетъ насъ!"

Наше правительство не поддастся такому предразсудку. Если окажется надобность, его органы растолкуютъ публикѣ, что война не дуэль, а тяжба, что между народами дѣло идетъ не объ условной чести, а о существенныхъ интересахъ, и проиграть на войнѣ, тоже, что проиграть въ судѣ. Даже меньше; ибо въ тяжебныхъ спорахъ предполагается, что потерпѣвшій затѣялъ неправое дѣло, и что онъ по дѣломъ наказанъ. Въ войнѣ же сплошь да рядомъ теряютъ ни въ чемъ не повинныя жертвы, а выигрываютъ неправые, но сильные зачинщики.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ началась теперешняя война, кто въ ней

правъ, кто виновать. Россію должно занимать другое, а именно: что выгоднѣе для нея,— заключить ли миръ, какой бы ни было, или продолжать войну, во чтобы ни стало? Весь вопросъ тутъ; и чтобъ рѣшить его зрѣло, необходимо отстранить неразумный вопросъ о такъ называемой національной, или о военной чести. Спасеніе и благо отечества должны стоять выше всѣхъ народныхъ и личныхъ предразсудковъ.

Но заключить миръ, какой бы ни было, слѣдуетъ намъ не для того только, чтобъ отдохнуть и собраться съ силами,—мы должны еще получить досугъ для внутренняго устройства, въ которомъ одномъ наше спасеніе. Самообольщеніе и раболѣпную лесть въ сторону,—намъ настоятельно нужно обратить строгое и неуклонное вниманіе на необходимость преобразованій по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства; намъ настоятельно нужно это сдѣлать, если не хочемъ, чтобъ Россія, сведенная уже по внѣшнему значенію, на степень державы втораго разряда, не сошла также низко и въ своемъ внутреннемъ могуществѣ. Подъ словомъ преобразованія, мы отнюдь не разумѣемъ отра-

ниченія верховной власти: безумно прибавлять къ существующей безурядицѣ, безурядицу представительную; не конституціонныя сдѣлки намъ нужны, а самодержавныя реформы. Нашъ вѣкъ исцѣляется отъ слѣпой вѣры въ конституціонный, какъ и во всякой другой формализмъ, онъ предпочитаетъ ему живую сущность, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась. Мы не гонимся за бумажными гарантіями и готовы вѣриться личной гарантіи царскаго ума, совѣсти и горькихъ опытовъ.

Впрочемъ, такое убѣжденіе не должно насъ заставить забыть, что царь, какъ бы уменъ, благонамѣренъ и дѣятеленъ ни былъ, не можетъ одинъ увидѣть, узнать и обсудить все. Ему нужны неподкупные совѣтчики, вѣрные доносчики правды. Гдѣ ихъ найти? Это вопросъ первой важности.

Вслѣдъ за кончиною императора Николая, и даже не задолго до нея, начала у насъ возникать письменная публицистика. Это явленіе знаменательное,—не только потому, что обличаетъ существованіе людей, способныхъ обсуживать жизненныя задачи нашей страны съ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ, но и потому,

что указываетъ на глубокую, давно таившуюся потребность гласности. Эта потребность не есть плодъ досужнаго празднословія и любопытства, а признакъ созрѣвшей мысли и сознанной необходимости противопоставить оффиціальной лжи общественную правду.

Недавно разнесся слухъ, что въ Петербургѣ наряжена коммиссія для открытія, а можетъ и для преслѣдованія рукописныхъ статей и ихъ разпространителей. Недавніе аресты подкрѣпляютъ послѣднее мнѣніе; но другія данныя позволяютъ думать, что на коммиссію, если она дѣйствительно существуетъ, возложена обязанность дѣйствовать осмотрительно и либерально. Замѣчательный циркуляръ Великаго Адмирала отъ 26 Ноября по морскому вѣдомству внушаетъ даже надежду, что благонамѣренно-правдивыя замѣчанія въ рукописныхъ запискахъ не остаются безъ высочайшаго вниманія. Умѣть выслушивать правду и ею пользоваться — великій шагъ впередъ! Такія отрадныя явленія заставляютъ ожидать, что и таинственная коммиссія съумѣетъ отличить мыслящую добронамѣренность отъ праздной шалости ума,

что, можетъ быть, карая послѣднюю, отдастъ первой должную справедливость.

У насъ до сихъ поръ было двѣ крайности: или подлое раболѣпіе, или разгулъ ребяческаго вольнодумства. Русская мысль, какъ рабыня, или пресмыкалась, или бунтовала. Теперь благодаря Богу, наступаетъ пора мысли зрѣлой и спокойной. Конечно появляются и грустныя отклоненія отъ здравомыслія; но такія отклоненія не страшны: изъ истинно дѣльныхъ статей, ходящихъ по рукамъ, нѣтъ, кажется, ни одной, гдѣ бы высказывались заносчивыя желанія, предположенія, несовмѣстныя съ существующей формой правленія, а еще менѣе — преступныя нѣли и намѣренія. Благоразумное правительство, конечно, оцѣнитъ такое направленіе, которое тѣмъ замѣчательнѣй, что очевидно возникло безъ предварительнаго соглашенія, безъ заранѣе обдуманнаго плана, а просто имѣетъ корень въ повсемѣстномъ убѣжденіи, что для Россіи наступила пора преобразованій, и что всякая отсрочка была бы для нея пагубна. Скажу болѣе: нашему правительству слѣдовало бы ободрить неизвѣстныхъ

публицистовъ, приказавъ печатать хоть самыя умѣренныя изъ ихъ статей, или по крайней мѣрѣ не мѣшать имъ высказывать свои мнѣнія, которыя, конечно, послужатъ лучшимъ оплотомъ противъ рьянаго и подъ часъ безсмысленнаго радикализма. Умѣренность и основательность требованій способны возбудить, и дѣйствительно возбуждаютъ одну лишь симпатію въ большинствѣ мыслящей публики; а этому нельзя не радоваться.

Пора сознать, что слѣпо послѣдовательный консерватизмъ прошедшаго царствованія оказался вполнѣ несостоятельнымъ и что онъ болѣе невозможенъ. Полумѣры также ни къ чему не приведутъ и никого не удовлетворятъ. Довольно полумѣръ испробовали мы, а зло осталось тоже; долго дракону подстригали когти, выраставшія вновь, и забывали, что противъ дракона нужны не ножницы, а копье св. Георгія.

Но спрашивается: возьмется ли царь за такое копье? Внушатъ ли ему окружающіе благую мысль о необходимости коренныхъ преобразованій, которыя однѣ могли бы отвлечь отъ дальнѣйшихъ бѣдъ и направить на широкій путь общественности? Говорятъ, что новый

царь любить ввѣриться такъ называемой опытности приближенныхъ къ нему стариковъ; но во всемъ ли годится ихъ рутина, основанная большей частію на своекорыстіи и закоснѣлости? Положимъ, не мѣшаетъ прислушиваться даже къ отголоскамъ давнопрошедшаго; но прежде всего слѣдуетъ внимать голосу настоящаго. Не станетъ ли (молвой упоминаемая) коммиссія глухими ширмами между царемъ и единственнымъ доселѣ органомъ общественнаго мнѣнія—рукописной литературою? Не будетъ ли она скрывать отъ него все, что заслуживало бы извѣстности, и указывать лишь на то, что бросаетъ ложный свѣтъ на едва возникающую гласность? . . . Станемъ лучше надѣяться, что голосъ публики, такъ или иначе, проникнетъ и до государя, и что при немъ Россія выйдетъ изъ удушливаго ущелья канцелярій въ чистое поле гласности, опирающейся на общественное мнѣніе, которое въ свою очередь будетъ ею очищаться, крѣпнуть. Лучшимъ помощникомъ царю въ этомъ великомъ дѣлѣ послужитъ его брать, Константинъ Николаевичъ, на котораго Россія возлагаетъ сильныя надежды. Онъ въ особенности поможетъ ему образовать для слу-

жбы государству новое поколѣніе, истинно просвѣщенное, свободное отъ закоснѣлыхъ понятій, мѣшавшихъ до сихъ поръ всякому полезному нововведенію и поддерживавшихъ самый безсмысленный формализмъ въ связи съ самымъ отчаяннымъ сутяжничествомъ.

Предлагаемая статья разрослась бы въ толстую книгу, еслибъ я сталъ пересчитывать всѣ преобразованія, въ которыхъ чувствуется у насъ столь настоятельная потребность. Ограничусь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Самодержавная власть у насъ такъ сильна,— я разумѣю тутъ нравственную, а не матеріальную власть,—что ужъ конечно нѣтъ въ Европѣ правительства, котораго внутреннее могущество могло бы сравниться съ нашимъ. Сверхъ того, нѣтъ въ мірѣ и народа болѣе послушнаго и менѣе наклоннаго къ упорно-послѣдовательному сопротивленію. При такой силѣ и съ такимъ народомъ чего не сдѣлаетъ истинно мудрое правительство? Препятствія, о которыхъ иные такъ охотно толкуютъ, существуютъ лишь въ испуганномъ воображеніи однихъ, въ хитрой расчетливости другихъ, или просто въ тупоуміи и лѣни всегда тяжелыхъ на подъемъ, когда

приходится выйдти изъ застоя. Наше правительство никогда серьезно не вѣрило въ препятствія; вотъ почему его споръ можно обвинить въ излишней наклонности къ перемѣнамъ безъ общаго плана и цѣли, въ чемъ отчасти отражается и тревожность молодаго общества, еще не привыкшаго ни въ чемъ къ прочной осѣдлости. Не препятствій снизу намъ слѣдуетъ бояться, а опрометчивости сверху, порождающей лишь такія преобразованія, которыя обличаютъ совершенное незнаніе истиннаго положенія и потребностей Россіи, ибо возникаютъ въ головѣ бюрократовъ, столькоже знакомыхъ съ нею, сколько съ Китаемъ. Мы всѣ жаждемъ перемѣны къ лучшему, но устали отъ безпереривней, лишь съ толку сбивающей ломки. Не случайныя попытки, не полумѣры, не перемѣны на бумагѣ намъ нужны; нужна намъ цѣльная, послѣдовательная, всеобъемлющая реформа, обдуманная строго и зрѣло, выросшая на самой почвѣ Россіи. Истинно полезное преобразованіе должно корениться въ народныхъ нравахъ и потребностяхъ; ибо оно тогда только прочно, когда является естественнымъ плодомъ общественной жизни, вы-

ростаетъ изъ обновленныхъ ея условій, какъ самородное дерево изъ земли. Какимъ путемъ достигнуть такого результата? Узнать Россію можно только отъ нея самой. Надо, чтобъ она заговорила безъ страха и оглядки, другими словами — чтобъ въ ней возникло общественное мнѣніе. Вызвать же и воспитать его можетъ одна гласность.

Желаніе перемѣнъ изъ одной любви къ новизнѣ, — желаніе малодушное. Безпѣльныя перемѣны приносятъ болѣе вреда, чѣмъ иные думаютъ; ибо онѣ убиваютъ вѣру въ успѣхъ и надежду на лучшее. А потому, воздержаніе отъ мѣръ, не имѣющихъ истиннаго политическаго смысла. За тѣмъ слѣдуютъ мѣры отрицательныя: отмѣненіе многаго, что было введено въ послѣдніе годы. Наконецъ, когда очистится путь отъ безполезнаго и вреднаго, — рѣшимость приступить къ положительнымъ преобразованіямъ. Вотъ въ крупныхъ чертахъ общія указанія, которыми, по моему, слѣдуетъ руководствоваться будущему обновителю Россіи.

Но прежде всѣхъ этихъ мѣръ, и отрицательныхъ, и прямыхъ, слѣдуетъ совершить одинъ великій, хотя и легкій подвигъ — подвигъ ми-

лосердіи. Отрадно начать добрымъ дѣломъ свое общественное служеніе; утѣшительно думать, что благое рѣшеніе не останется втунѣ — и призоветъ Божій покровъ какъ на лицо, доступное милосердію, такъ и на страну, заранѣе тому сочувствующую. Россія спокойна, царь любимъ, народъ послушливъ, внутренней опасности никакой, злонамѣренной оппозиціи ни тѣни: почему бы сердцу цареву не послѣдовать своимъ благороднымъ внушеніямъ, почему бы царевымъ устамъ не произнесть великаго слова: Всепрощеніе!

Въ теченіе тридцати тяжкихъ лѣтъ, въ ледяностой дали, многіе и многіе изъ нашихъ соотчичей и единоплеменниковъ искупаютъ заблужденія своей молодости; увлеченія своего патріотизма; половина изъ нихъ сошла въ могилу, другая или состарѣлась и одряхлѣла, или смирилась и жаждетъ лишь возврата на родину. Неужели эти преступные мученики своихъ убѣжденій все еще страшны, и должны, ради общественной безопасности, навсегда оставаться въ сибирскихъ снѣгахъ?

Неужели "за свои нѣмецкіе глупости по русски наказанный" арестантъ шлиссельбургъ

ской крѣпости будетъ томиться до конца дней, искупая тяжкой неволей въ Россіи свои слишкомъ вольные грѣхи въ Австріи и Саксоніи?

Неужели, наконецъ, горсть молодыхъ людей, не заговорщиковъ, а разговорщиковъ, если такъ позволено выразиться, — которыхъ главный проступокъ состоялъ въ томъ, что они открыто бесѣдовали о тайныхъ предметахъ, — неужели эти юноши, которыхъ за проступокъ наказали какъ за преступленіе, пропадутъ въ убійственной ссылкѣ, лишенные даже возможности показать на дѣлѣ свое раскаяніе?

Нѣтъ, это не можетъ быть! Общее чувство отличаетъ обыкновенныхъ преступниковъ отъ политическихъ; и даромъ что по уголовному уложенію послѣднимъ присуждается большее наказаніе, — по нравственному чутью всѣхъ, кто только не сбитъ съ толку оффиціальностью, ихъ вина, плодъ благородныхъ, хотъ и противузаконныхъ побужденій, не можетъ считаться болѣе важною, чѣмъ низкія и корыстныя дѣйствія, собственно такъ называемыхъ преступниковъ. А потому,—такъ думаетъ масса,—если въ милостивомъ манифестѣ прощены негодяи и мерзавцы, то отъ чего бы, казалось, не про-

стить людей, правда, въ юридическомъ отношеніи виновныхъ тяжко, но съ нравственной точки подлежащихъ скорѣй отеческому прощенію, чѣмъ строгой судебной карѣ? Политическіе преступники по преимуществу заслуживаютъ имени несчастныхъ, которое придастъ нашъ народъ всѣмъ сосланнымъ безъ исключенія; ибо страшно само по себѣ положеніе образованнаго человѣка въ заточеніи и ссылкѣ, но еще ужаснѣй, когда къ бѣдствіямъ отверженнаго гражданскимъ закономъ присоединяется укоръ отрезвившейся совѣсти.

Соображая все это, нельзя не придти къ убѣжденію, что великодушное желаніе людей истинно вѣрноподданныхъ исполнится скоро и безъ ограниченій. Неужели для величайшаго христіанскаго подвига необходимо ждать коронаціи ихъ величествъ, которая по теперешнимъ обстоятельствамъ можетъ еще на долго быть отсрочена? Развѣ добрыя дѣла откладываются? Развѣ нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ измѣнятъ отношенія правительства къ этимъ "несчастнымъ?" Вѣдь за нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ въ изгнаніи, ссылкѣ, или заключеніи, они, можетъ быть, заплатятъ нѣсколькими годами

жизни. Миловать тѣмъ достойнѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе. Пусть же государь дастъ свидѣтельство своей силы, своего довѣрія къ подданнымъ и своего милосердія къ заблудшимъ; пусть поспѣшитъ обнаружить свѣту, что опираясь на русскій народъ, окруженный его любовію, крѣпкій его вѣрою въ необходимость царской власти. Онъ стоитъ выше мелкой боязни и широко пользуется первымъ изъ своихъ правъ—правомъ милованья.

Повторимъ вкратцѣ наши pia desideria: миръ съ внѣшними врагами; необходимость досуга для зрѣлыхъ всеобъемлющихъ преобразованій; всепрощеніе заблудшимъ, и непримиримая вражда съ заклятыми внутренними врагами,—не съ тѣми немногими, чьи преступленія преувеличены, а наказанія несоразмѣрны, — но съ врагами ежечасными и повсемѣстными, съ врагами свѣта и образованности, правды, и правосудія, словомъ, съ самыми врагами отечества, у которыхъ поминутно слово любви на устахъ и своекорыстные помыслы

въ сердцѣ. Съ ними то предстоитъ намъ вести войну не на животъ, а на смерть, не кабинетную, а всенародную!

Истекшій годъ былъ годомъ нашего внѣшняго упадка; да будетъ наступающій—годомъ нашего внутренняго возрожденія! *

1855, наканунѣ Рождества.

* Мы помѣщаемъ эту статью какъ историческій документъ тогдашняго настроенія умовъ. Нужно ли говорить, что правительство не умѣло имъ воспользоваться. При этомъ повторяемъ еще разъ, что мы громко протестуемъ противъ всякой солидарности — между направленіемъ статей, нами печатаемыхъ и нашими мнѣніями.

И — ръ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ РОССІИ.

Justicia fundamentum regnorum est.
Правда и милость да царствуетъ въ судахъ.
Манифестъ 19 Марта 1856.

Тысячу лѣтъ тому назадъ Гостомыслъ говорилъ Варягамъ, что на Руси нѣтъ порядка, и жертвовалъ независимостію дотолѣ свободнаго народа, чтобъ только водворить порядокъ. Подъ словомъ порядокъ онъ разумѣлъ правосудіе.

Стремленіе къ тому мы видимъ во всѣхъ періодахъ нашей исторіи въ законодательныхъ мѣрахъ почти всѣхъ государей, начиная отъ Ярослава до Николая. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ назначилъ Коммиссію изъ трехъ сенаторовъ для изысканія средствъ уничтожить лихоимство. Коммиссія предложила для этого: 1, издать сводъ законовъ, 2, опредѣлить акциденціи во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и 3, отмѣнить штрафъ съ судей за неправыя

рѣшенія. Исключая акциденцій, предложенія коммиссіи приняты и исполнены; но отправленіе правосудія не токмо не улучшилось, но напротивъ, съ каждомъ днемъ становится хуже и хуже.

Безпристрастный и самый поверхностный взглядъ на этотъ предметъ покажетъ, что иначе и быть не можетъ. Разсмотримъ отдѣльно три части, на коихъ основывается правосудіе въ государствѣ: на законы, на судоустройство и судопроизводство.

Законы наши изложены въ пятнадцати томахъ, заключающихъ въ себѣ около 50,000 статей, и со времени обнародованія II изданія въ 1842 году, появилось семнадцать продолженій свода, въ коихъ помѣщены измѣненія, прибавленія, поясненія и отмѣны статей свода, что ясно доказываетъ, что въ нихъ есть еще множество противорѣчій, двусмысленностей. Это послѣднее подтверждаетъ и самое судопроизводство. Намъ случалось видѣть въ экстрактахъ изъ дѣлъ, составляемыхъ въ сенатѣ, по 500 статей приводимыхъ оберъ-секретаремъ, какъ относящихся къ дѣлу, и за тѣмъ все таки оно переходило въ общее собраніе и влачилось

еще нѣсколько лѣтъ по остальнымъ восьми инстанціямъ. Вотъ доказательство, какъ несовершенно созданіе Николая — сводъ законовъ. Code Napoleon не таковъ. Но это еще не все: при всей запутанности законовъ, они еще и не справедливы: они явно покровительствуютъ богатому и знатному, явно покровительствуютъ интересамъ казны. Вотъ примѣры: имѣнье, заложенное въ кредитныя установленія, не можетъ быть продано съ аукціона на удовлетвореніе частныхъ долговъ, пока исправно уплачиваются банку проценты; а залоги обыкновенно совершаются на 37 лѣтъ. Прекрасное обезпеченіе частнаго кредита! Казеннымъ или удѣльнымъ крестьянамъ вдругъ вздумается отягать у сосѣда-помѣщика землю. Вѣдь бы они и проиграли свое дѣло во всѣхъ инстанціяхъ, но не обязаны платить помѣщику проторы и убытки; напротивъ, съ помѣщика все взыщутъ какъ казенное имущество, которое не горитъ и не тонетъ. Знаменитый адмиралъ Мордвиновъ въ докладѣ своемъ покойному императору о состояніи Россіи говоритъ: "когда не дѣло касается интересовъ казны, то правительство позволяетъ себѣ вопіющія несправедливости."

Перейдемъ къ судопроизводству. Одинадцать инспекцій, или лучше сказать мытарствъ, поглощаютъ достояніе тянущихся и ихъ потомковъ! Кто же засѣдаетъ въ нихъ и кому законъ вѣряетъ отправленіе правосудія, т. е. охраненіе достоянія, жизни и чести гражданъ?

Въ земскомъ судѣ, имѣющемъ власть полицейскую, исполнительную и отчасти судебную, потому что производить слѣдствія, на которыхъ основывается рѣшеніе дѣлъ, засѣдаютъ два члена по выбору дворянства и нѣсколько становыхъ приставовъ, опредѣляемыхъ правительствомъ. Этихъ мѣстъ какъ доходныхъ, добиваются посредствомъ безконечныхъ интригъ или просто покупаютъ, не смотря на то, что тотъ, кто былъ засѣдателемъ или становымъ, считается опозореннымъ въ глазахъ порядочныхъ людей. Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ члены полиціи съ тою же властію опредѣляются комитетомъ 18 Августа 1814 г. попечительства о раненыхъ. Комитетъ не смотритъ ни на нравственность, ни на образованіе, ни даже на умственныя способности ищущаго мѣста городничаго; ежели онъ раненъ, то этого довольно: опредѣляетъ въ торговый, доходный

городъ, разумѣется ежели даетъ хорошую взятку, въ противномъ случаѣ ссылаетъ въ Зашиверскъ. Бывало много примѣровъ, что городничій едва умѣетъ писать. Однимъ словомъ, эти опредѣленія тоже что въ старину бывало: посылать на воеводство покормиться. Каково тѣмъ, которые обрѣчены быть кормомъ?!

Въ I и II инстанціяхъ, т. е. въ уѣздномъ судѣ и въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, почти всѣ члены по выбору дворянства и купечества. Выборы эти истинно либеральное учрежденіе и, кажется, должны бы обезпечить самое добросовѣстное отправленіе правосудія; но кто знаетъ какъ совершаются эти выборы, тотъ пойметъ, что они нисколько не соотвѣтствуютъ цѣли своего учрежденія.

Извѣстно, что почти все дворянство готовитъ себя къ военной службѣ. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ не спеціальныхъ, молодые люди пріобрѣтаютъ нѣкоторыя поверхностныя познанія нужныя въ общежитіи, а о гражданскихъ законахъ не имѣютъ и понятія. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ во фронтѣ, дворянинъ оставляетъ службу и поселяется въ деревнѣ. Чтобъ быть избраннымъ въ члены одного изъ судеб-

ныхъ имѣть губернскихъ или уѣздныхъ, нужно имѣть три качества: 1, быть богатымъ, давать обѣды и праздники и служить деньгамъ, или 2, имѣть кривую грудь и быть крикуномъ, говоруномъ и мѣднымъ лбомъ, или наконецъ 3, быть пролазою. У имѣющаго одно изъ сихъ качествъ, а тѣмъ болѣе всѣ, не спросятъ ни о его образованіи, ни о способностяхъ, не справятся даже о его нравственныхъ качествахъ, выбираютъ тогда одними общими шарами и вотъ онъ достигъ своей цѣли: прослуживъ девять лѣтъ получаетъ орденъ или кормится взятками. И такъ ежели избранный напримѣръ въ предсѣдатели богатъ, то обыкновенно онъ и ленивъ и безпеченъ и рѣшеніе дѣлъ предоставляетъ секретарю; ежели онъ не имѣетъ понятія ни о законахъ, ни о судопроизводствѣ, ежели онъ просто глупъ, то само собою разумѣется, что секретарь будетъ рѣшать всѣ дѣла, а секретарь и взяточникъ — синонимы. Но ежели избранный съ способностями, но бѣденъ, то вѣсы правосудія будутъ наклонять на ту сторону гдѣ окажется болѣе крупныхъ кредитныхъ билетовъ. Чувство долга, совершенно неизвѣстное въ Россіи нашей! Возразятъ можетъ быть, что

не болѣе 25 лѣтъ какъ законы наши приведены въ систему и изученіе ихъ не могло еще сдѣлаться общимъ и доставить столько законовѣдовъ, чтобъ можно было замѣстить ими всѣ губернскія и уѣздныя судилища; что ежели тяжущійся тамъ не найдетъ защиты своему праву, то онъ ее найдетъ въ сенатѣ. Давай Богъ! но взглянемъ на составъ сената. Чтобъ быть членомъ этого верховнаго судилища, не нужно, также какъ и въ уѣздномъ судѣ, имѣть никакихъ юридическихъ познаній, ни даже обыкновеннаго энциклопедическаго образованія; не требуется и способностей государственнаго мужа, достаточно имѣть чинъ Тайнаго Совѣтника, а еще лучше генералъ-лейтенанта, сдѣлаться глухимъ, слѣпымъ, хромымъ, однимъ словомъ больнымъ, или представить императору дивизію на смотрѣ въ неисправности и мѣсто сенатора будетъ непремѣнною наградою за всѣ эти качества. А какъ потомъ дѣйствуютъ въ этой богадѣльнѣ — вотъ примѣръ: одинъ первоприсутствующій, садясь на свое мѣсто, приказывалъ оберъ-секретарю какъ можно поспѣшнѣе читать доклады. Разумѣется тутъ нельзя было ожидать ни преній, ни разсмотрѣнія дѣлъ,

потому что все это продлило бы заседание, а его надобно было как можно скорее окончить и первоприсутствующему возвратиться домой. Для чего? У него была сыпная болѣзнь, и онъ чувствовалъ необходимую потребность велѣть расчесать свою спину щѣками. Его спинѣ дѣлалось легче, но спинѣ подсудимаго никогда тяжело. Безъ сомнѣнія есть исключенія и достойнѣйшія исключенія. Въ члены государственнаго совѣта призываются лица не за испытанныя правительственныя или законодательныя способности, а просто снискавшія личное благорасположеніе императора. Консультація при министрѣ юстиціи, куда поступаютъ на разсмотрѣніе дѣла изъ общаго собранія сената, которая должна состоять по преимуществу изъ первыхъ законовѣдовъ въ Россіи, считаетъ въ числѣ своихъ членовъ и директора школы правовѣдѣнія. Кому же и засѣдать тамъ какъ не ему? Но на какомъ поприщѣ прежде отличался этотъ членъ? Учился въ пажескомъ корпусѣ, выпущенъ былъ офицеромъ въ гвардейскій егерскій полкъ, потомъ былъ полицеймейстеромъ въ Ригѣ, градоначальникомъ въ торговомъ и приморскомъ городѣ Таганрогѣ,

гдѣ и почерпнуть глубочайшія юридическія знанія и уже отсюда призванъ былъ руководить образованіемъ будущихъ церковныхъ судей и государственныхъ мужей, надежды Россіи. Таковы же выборы лицъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ государственнаго управленія!

Чего же должно ожидать отъ такихъ дѣятелей и на такомъ безконечномъ поприщѣ судоустройства, каковы наши 11 мытарствъ и по формамъ безсмысленно многосложнымъ? Какое перо можетъ изобразить мрачную пучину зла, которое гнѣздится въ нашемъ судопроизводствѣ и столько вѣковъ подобно раку и антонову огню точитъ и слѣдуетъ изнеможенія силы русскаго народа! И нужно ли описаніе этого зла? Кто его не испыталъ, кто не имѣлъ значительнаго или маловажнаго дѣла въ судахъ? Достаточно напомнить здѣсь, что бывали дѣла, которыя присылались въ сенатъ на разсмотрѣніе на нѣсколькихъ подводахъ. Экстракты изъ нихъ составлялись на 200 печатныхъ листахъ. Дѣла тянулись нѣсколько десятилѣтій и тяжущіеся разорялись. Таково гражданское судопроизводство; а объ уголовномъ, этомъ бичѣ народа страшно и подумать. Приведемъ нѣсколько

примѣрокъ. На огромной фабрикѣ богатаго купца одинъ изъ мастеровыхъ дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи. Слѣдователь просилъ съ купца 1000 рублей, но онъ чувствуя себя нисколько не причастнымъ преступленію, отказалъ. Что же? Его запутали въ это уголовное дѣло и хотя чрезъ 30 лѣтъ оправдали государственный совѣтъ, но какъ вознаградить его за безчисленныя страданія и потери?! Бывали случаи, что ночью изъ глухаго мѣста слышались вопли и крики о помощи противъ убійцы. Проходившій мимо хотя и слышалъ ихъ и могъ бы спасти погибавшаго, но не рѣшался на это, и потомъ находили зарѣзаннаго человѣка. Почему не рѣшался? Потому, что боялся быть запутаннымъ въ уголовное слѣдствіе и даже имѣть подъ судъ. Такъ ужасна юстиція наша для правыхъ! Но не страшатся ея наши мельмоки, они стоятъ выше ея. Министры, генералъ-губернаторы, члены государственнаго совѣта, сенаторы, подлежатъ суду одного императора; — а до Бога высоко, до царя далеко. Вѣдь вздумаетъ на примѣръ Закревскій оскорбить кого нибудь, что и случалось, гдѣ найдти правду? А за нимъ ограждены отъ судебнаго преслѣдованія и под-

чиненные его, ежели пользуются его благорасположеніемъ. Всѣ суды въ Россіи, начиная отъ земскаго до сената, не подлежатъ никакой ни передъ кѣмъ отвѣтственности за свои дѣйствія, какъ бы беззаконны, какъ бы противны здравому смыслу они ни были. Все взысканіе, которому иногда судъ можетъ подвергнуться за несправедливое рѣшеніе дѣла, — заключается слѣдующею стереотипною фразою сената: подтвердить такому то суду, чтобъ впредь былъ осмотрительнѣе. И только. Что же послѣ этого можетъ побудить судъ и самый сенатъ заботиться о добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей?

Говорятъ и пишутъ много о исправленіи нашей юстиціи и еще недавно корреспондентъ газеты Nord писалъ изъ Петербурга, что правительство рѣшилось на этотъ подвигъ. coute que coute. Едва ли: незамѣтно даже, чтобъ оно имѣло это намѣреніе. Чтобъ уничтожить лихоимство въ судахъ, надобно прежде всего обезпечить существованіе дѣлопроизводителей достаточнымъ жалованіемъ; а пока столоначальники палаты уголовной и гражданской даже въ столицахъ получаютъ смѣшное по 5 и 8 руб.

въ мѣсяцъ, а квартальный надзиратель видѣ. И такъ напротивъ, правительство явно покровительствуетъ лихоимству, и еще не было примѣра, чтобъ кого нибудь предали суду за этотъ грѣшокъ. И къ чему послужило бы прибавить жалованье: Этою мѣрою нисколько не исправилось бы наше судопроизводство. Зданіе это не возможно починить или надстроить; его надобно совершенно уничтожить и создать вновь и на другомъ основаніи.

Для сей цѣли необходимо 1, исправить сводъ законовъ на основаніяхъ естественнаго права, чтобъ законъ былъ одинъ для всѣхъ: для перваго вельможи и послѣдняго поденщика; для богатаго и нищаго; для казны и для частнаго лица. Слѣдовательно исправленіе это должно поручить не второму отдѣленію собственной канцеляріи е. и. в., не сенату и не государственному совѣту, а представителямъ всѣхъ сословій народа, собраннымъ не въ столицахъ, а гдѣ нибудь въ уголкѣ Россіи.

2, учредить только три судебныя инстанціи: уѣздный судъ, палату и сенатъ, которому и предоставить рѣшать всѣ дѣла между казною и частными лицами, и между сими послѣдними

окончательно. Кромѣ петербургскаго и московскаго сенатовъ учредить еще сенаты въ Кіевѣ, въ Казани, въ Вильнѣ и въ Сибири, и каждый изъ департамента гражданскаго и уголовнаго. Кромѣ сего въ столицахъ и губернскихъ городахъ учредить словесный судъ разбирательства маловажныхъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ въ первой инстанціи по образцу французскаго Tribunal de police correctionelle. Въ уѣздныхъ же городахъ уѣздный судъ можетъ заниматься и разбирательствомъ маловажныхъ дѣлъ словесно.

Въ нижнихъ и среднихъ инстанціяхъ замѣщать мѣста членовъ на первое время хотя по выбору дворянства, но съ тѣмъ, чтобъ преимущественно избираемы были тѣ, которые получили образованіе въ университетахъ, въ особенности слушавшихъ лекціи по юридическому факультету.

Изъ сената уволить всѣхъ генераловъ, съ оставленіемъ получаемаго ими жалованья, а оставить не болѣе трехъ членовъ, всегда находившихся въ гражданской службѣ и получившихъ университетское образованіе, особенно имѣющихъ ученую степень по юридическому

факультету. Впослѣдствіи же времени постановить правиломъ, чтобъ тотъ только могъ быть членомъ сего верховнаго судилища, кто имѣетъ степень доктора правъ и прошелъ служеніе во всѣхъ мѣстахъ нижней и средней инстанцій.

Жалованье отъ писца въ уѣздномъ городѣ до сенатора въ столицахъ назначить всѣмъ достаточное, сообразное съ мѣстными цѣнами на жизненныя потребности.

Уничтожить во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ бумагомараньe и замѣнить его самыми простыми, малосложными, необходимыми формами дѣлопроизводства. Теперь, когда столоначальникъ, его помощникъ и четыре или пять писцевъ заняты составленіемъ экстракта, т. е. переписываніемъ изъ дѣла всѣхъ документовъ цѣликомъ, выпуская изъ просьбъ одинъ высочайшій титулъ; достаточно будетъ тогда одного чиновника, который бы въ нѣсколькихъ строкахъ или страницахъ умѣлъ ясно и точно въ экстрактѣ изобразить существо дѣла.

Сократить апелляціонные сроки.

Адмиралъ Мордвиновъ въ докладѣ своемъ покойному императору о состояніи Россіи говоритъ: "вельможи не терпятъ положитель-

нить законовъ, потому что они мѣшаютъ имъ самовластвовать. А потому для отвращенія этого зла, при созданіи новаго судоустройства и судопроизводства признать великое правило, чтобы власть судебная была независима отъ власти правительственной и исполнительной, и вслѣдствіе того необходимо, чтобъ императоръ освятилъ это правило собственнымъ примѣромъ невмѣшательства въ судебное разбирательство, оставивъ за собою одно прекрасное право — смягченія наказанія преступнику. Тогда и министры, генералъ-губернаторы и до послѣдняго квартальнаго поручика не позволятъ себѣ нарушать законы какъ теперь; они принуждены будутъ уважать законъ какъ святыню, а за ними и частныя лица.

Теперь представляется вопросъ: какое ручательство предоставитъ новый порядокъ судопроизводства въ точномъ и добросовѣстномъ примѣненіи законовъ; что можетъ побудить къ тому судей, если надъ ними не будетъ контроля правительственной власти? На это мы отвѣчаемъ: этотъ контроль никогда не представлялъ никакаго ручательства; но мы предлагаемъ замѣнить его другимъ, самымъ бди-

тельнымъ, самымъ могущественнымъ, самымъ грознымъ, это — гласностію. Предоставьте тяжущемуся право напечатать свое дѣло въ вѣдомостяхъ, ежели онъ находитъ, что оно рѣшено недобросовѣстно, противузаконно, и судья устранится общественнаго мнѣнія и не рѣшится покрывать душею. Предоставьте каждому гражданину право выставить на позоръ общественному мнѣнію всякій противузаконный и всякій безнравственный поступокъ, какаго бы то ни было лица, который не можетъ карать и законъ, напримѣръ грубое обращеніе помѣщика съ своими крѣпостными людьми, — и общественная нравственность исправится, возвысится. Съ другой стороны предоставьте считающему себя оклеветаннымъ право возражать въ тѣхъ же вѣдомостяхъ, въ которыхъ было напечатано обвиненіе, и клеветникъ будетъ остороженъ. Здѣсь не мѣсто исчислять всѣ блага, которыя гласность принесетъ народу; они понятны всякому мыслящему и добросовѣстному человѣку; выразимъ лишь надежду, что она приготовитъ Россію къ достиженію величайшаго блага — суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ.

Таковы по нашему лучшему убѣжденію мѣры, посредствомъ коихъ можно достигнуть исполненія приведенныхъ въ заглавіи этой статьи эпиграфовъ; только этими мѣрами можно было бы вычистить Авгіясову конюшню — нашу юстицію. Но гдѣ Геркулесъ? Сознаніе, что не народъ созданъ для государя, а государь для народа и его блага, придастъ и слабой мышцѣ силу Геркулеса на этотъ подвигъ, и чтобъ побороть стоглавую гидру — вельможъ-хамовъ, этихъ вѣчныхъ враговъ народа.

На дняхъ полученная нами статья въ формѣ письма — 'О чиновникахъ', будетъ напечатана въ V книжкѣ 'Голосовъ'.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Письмо къ издателю. 1

Современные отголоски (стихотворенія.) . . . 24

Современныя задачи русской жизни. 51

Россія въ войнѣ и въ мирѣ. 130

Голосъ изъ Россіи 159

Лондонъ, Вольная Русская Книгопечатня
2, Judd Street, Brunswick Square.

У ТРЮБНЕРА, 60, Paternoster Row въ Лондонѣ, продается:

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Русскихъ сочиненій ИСКАНДЕРА (А. Герцена):

Письма изъ Франціи и Италіи (1847—1852)

Съ того берега,

Крещеная Собственность.

Полярная Звѣзда за 1855, 56 и 57 годы,

Сверхъ того у него находятся:

Вновь вышедшая поэма ЮМОРЪ,

Народный сходъ въ Лондонѣ въ память переворота 1848 года (рѣчи Е. Джонса, А. Герцена, А. Саффи, А. Таландье.)

Голоса изъ Россіи, книжка I. II. и III.

Разборъ манифеста 26 Августа 1856, (изъ Полярной Звѣзды)

DU DEVELOPPEMENT DES IDEES REVOLUTIONAIRES en Russie, 2 édit., Londres 1853.

BRIEFE AUS ITALIEN, Hoffmann & Campe, Hamburg 1850

VOM ANDERN UFER, ditto.

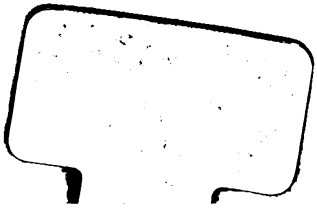
AUS DEN MEMOIREN eines Russen v. A. HERZEN, ditto

MY EXILE by A. HERZEN, Hurst & Blacket, London 1855

L'ETOILE POLAIRE — SUR LA MORT DE STANISLAS WORCELL, 1857.

Печатаются:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1858 годъ,

КОЛОКОЛЪ I. II. III. (выходитъ всякій мѣсяцъ).

Голоса изъ Россіи, книжка V.